
Сэмюэль Беккет
Мерсье и Камье
КЛАССИКА
текст

Мерсье и Камье

Сэмюэль Баркли Беккет

Аннотация
Сэмюэль Беккет. Мерсье и Камье
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII

Аннотация

Нерасторжимая пара Мерсье и Камье неоднократно пытаются покинуть город, в котором угадывается Дублин. Куда, зачем они идут? Кажется, что сами герои не имеют никакого представления о цели своего путешествия.

«Мерсье и Камье» – первый франкоязычный роман Сэмюэля Беккета, лауреата Нобелевской премии, родоначальника театра абсурда. В его творчестве этот роман расположился точно посередине между ранней англоязычной прозой и зрелыми произведениями на французском языке.

В «Мерсье и Камье» уже заметны некоторые приемы ведения абсурдного диалога, которые Беккет позднее использует в своей пьесе «В ожидании Годо».

Сэмюэль Беккет
Мерсье и Камье

© Editions Minuit S.A. 1970
© «Текст», издание на русском языке, 2015

* * *

I

Мне легко рассказывать о путешествии Мерсье и Камье, потому что я был с ними все время.

Физически это было совсем несложное путешествие, без морских плаваний, без перехода границ, по не очень пересеченной, хотя местами и пустынной местности. Мерсье и Камье все время оставались у себя дома, им выпала эта неоценимая удача. Им не надо было с большим или меньшим успехом входить в соприкосновение с чужими обычаями, странным языком, причудливыми законами, климатом и кухней, среди пейзажа, в смысле сходства имеющего очень мало общего с тем, к которому они были приучены сначала в юном, а затем в зрелом возрасте. Погода, хотя часто и не щадила их (но они к этому привыкли), никогда не преступала пределы разумного, то есть того, что если и не без неудовольствия, то хотя бы без опасности для себя может перенести местный житель, подобающим образом одетый и обутый. Что до денег, то, не имея возможности путешествовать первым классом или останавливаться

во дворцах, они все же располагали достаточными средствами для проезда туда и обратно, чтобы не стоять с протянутой рукой. Итак, можно утверждать, что с этой точки зрения они были в благоприятных условиях — более или менее. Им приходилось бороться, но меньше, чем многим, меньше, чем большинству людей, которые уезжают, гонимые какой-либо нуждой, иногда очевидной, иногда неявной.

Они долго советовались между собой, перед тем как пуститься в дорогу, и со всем хладнокровием, на какое были способны, взвешивали преимущества и неудобства, которые могли проистечь для них из этой затеи. Жизнь представала перед ними то в черном, то в розовом свете. Единственное убеждение, которое они вынесли из этих споров, было то, что бросаться очертя голову навстречу приключениям не следует.

Камье пришел на свидание первый. Это значит, что, когда он явился, Мерсье не было на месте. На самом деле Мерсье опередил его на добрых десять минут. То есть первым на свидание пришел не Камье, а Мерсье. Он терпеливо ждал пять минут, держа под наблюдением все пути, которыми мог прибыть его друг, а потом ушел прогуляться примерно на четверть часа. Камье, в свой черед,

не обнаружив Мерсье, пять минут прождал и пошел немного пройтись. Через четверть часа он вернулся на место встречи и стал искать глазами Мерсье, но напрасно. И это понятно. Ведь Мерсье, терпеливо прождав на условленном месте еще пять минут, пошел, по его излюбленному выражению, размять ноги. Итак, Камье спустя пять минут тупого ожидания опять ушел, сказав себе: может, я наткнусь на него на одной из соседних улочек. В этот самый миг Мерсье, вернувшись после своей недолгой прогулки, которая на сей раз продолжалась минут десять, не больше, увидел удаляющийся силуэт, в утреннем тумане смутно напоминавший Камье, причем это и в самом деле был Камье. К сожалению, силуэт исчез, словно сквозь мостовую провалился, и Мерсье вновь расположился на отдых. Но спустя пять минут, что уже явно начинало входить в обыкновение, он снялся с места, ощущая потребность подвигаться. И какова же была наконец их радость в решительный миг, радость Мерсье и радость Камье, когда после соответственно пяти и десяти минут тревожного безделья они одновременно вышли на площадь и столкнулись нос к носу — впервые с предыдущего вечера. Это случилось в девять часов пятьдесят минут.

Итак:

	Приб.	Отб.	Приб.	Отб.	Приб.	Отб.	Приб.
Мерсье...	9.05	9.10	9.25	9.30	9.40	9.45	9.50
Камье...	9.15	9.20	9.35	9.40	9.50		

Получилось прямо как нарочно.

Пока они обнимались и целовались, с чисто восточной внезапностью хлынул дождь. Они бросились в укрытие в форме пагоды, которое было выстроено в том месте, чтобы служить убежищем от дождя и прочей непогоды и вообще от погоды. Там было темно и полным-полно ниш и закоулков, что одинаково годилось влюбленным и старикам, мужчинам и женщинам. Одновременно с нашими двумя умниками туда ринулась собака, за ней другая. Мерсье и Камье нерешительно переглянулись. Они еще не доцеловались до конца, но им было неловко к этому возвращаться. А собаки уже без малейшего смущения занимались любовью.

Место, в котором они очутились, место, где им

не без труда удалось назначить друг другу свидание, было, собственно говоря, и не площадь даже, а скверик, вжавшийся в путаницу улочек и переулков. Этот скверик был в таком изобилии украшен зелеными насаждениями, цветочными клумбами, бассейнами, фонтанами, статуями, газонами и обычными скамейками, что все это буквально задыхалось от тесноты. Было в том скверике что-то от лабиринта, ходить по нему было неудобно, и, только зная его, удавалось найти выход с первой попытки. Войти, естественно, было легче легкого. В центре или неподалеку вздымался огромный пурпурный сияющий бук, посаженный, если верить грубо прибитой к стволу табличке, маршалом Франции с мирным именем Сент-Рут несколько веков тому назад. Судя по надписи, не успел он посадить этот бук, как его (маршала) насмерть сразило пушечное ядро, — в безнадежной борьбе, на поле брани, имеющем очень мало общего в смысле ландшафта с теми, на которых он проявлял себя бригадиром, а затем лейтенантом, коль скоро на полях сражений принято проявлять себя именно в таком порядке. Сквер, по-видимому, был обязан своим существованием этому дереву — обстоятельство, о котором маршал, надо думать, не догадывался,

когда в стороне от выстроившихся в шахматном порядке зеленых насаждений, на виду у элегантного и пресыщенного общества, опускал в ямку, лоснившуюся от вечерней росы, хрупкий дичок. И чтобы уж покончить с этим деревом и больше к нему не возвращаться, именно оно, наряду с названием «Сквер Сент-Рута», сообщало скверу остатки очарования. Задыхающийся великан приближался уже к концу своего поприща и постепенно чахнул, и недалек был тот день, когда его распилят на куски и увезут. И тогда на какое-то время в сквере с таинственным названием станет легче дышать.

Мерсье и Камье не знали этого места. Как раз поэтому, вероятно, они назначили свидание именно здесь. Есть вещи, которых нам никогда не узнать наверняка.

Сквозь оранжевое оконное стекло дождь казался золотым, и это, в соответствии с теми местами, где они успели побывать прежде, напомнило одному Рим, а другому Неаполь, причем они друг другу в этом не признались и обоим было как-то стыдно. Казалось, им бы могло полегчать благодаря этому вмешательству далеких времен, когда они были молодыми и горячими, любили живопись, смеялись над женатыми. Но им не по-

легчало. Тогда они были незнакомы, но с тех пор, как познакомились, часто говорили о тех временах, слишком много говорили, перескакивая, по своему обыкновению, с одного на другое.

— Вернемся домой, — сказал Камье.

— Почему? — сказал Мерсье.

— Теперь до вечера не перестанет, — сказал Камье.

— Это ливень, просто он затянулся, — сказал Мерсье.

— Я не могу стоять и ничего не делать, — сказал Камье.

— Давай сядем, — сказал Мерсье.

— Так еще хуже, — сказал Камье.

— Тогда давай ходить взад и вперед, — предложил Мерсье. — Возьмем друг друга под руку и будем прогуливаться. Пространство ограничено, но бывает и теснее. Поставь зонтик, помоги мне снять рюкзак, ага, спасибо, и вперед.

Камье покорился.

— Раз-два, раз-два, — сказал Мерсье.

— Раз-два, — сказал Камье.

Временами небо прояснялось и дождь делался реже. Тогда они останавливались в дверях. Но вскоре небо опять омрачалось, и дождь принимался лить с новой силой.

— Не смотри, — сказал Мерсье.

— Хватит и того, что я слышу, — сказал Камье.

— Что верно, то верно, — сказал Мерсье.

— Будем терпеть и мужаться, — сказал Камье.

— Собаки тебе не мешают? — сказал Мерсье.

— Почему эта застыла на месте? — сказал Камье.

— Иначе не может, — сказал Мерсье.

— Почему? — сказал Камье.

— Так задумано, — сказал Мерсье. — Чтобы не прерывать акта оплодотворения.

— Начинают верхом одна на другой, — сказал Камье, — а кончают задница к заднице.

— А ты бы чего хотел? — сказал Мерсье. — Экстаз прошел, они бы и рады разбежаться в разные стороны, пописать у тумбы или слопать кусок дерьма, но не могут. Ну и отворачиваются друг от друга. Ты бы на их месте вел себя точно так же.

— Нет, мне бы деликатность не позволила, — сказал Камье.

— А как бы ты себя вел?

— Я бы притворился, — сказал Камье, — будто мне жаль, что я не могу сразу же начать все сначала, до того было хорошо.

После недолгого молчания Камье сказал:

— Может, присядемся, а то я вымотался.

— Ты хотел сказать присядем, — сказал Мерсье.

— Я хотел сказать присядемся, — сказал Камье.

— Можно и присесться, — сказал Мерсье.

Люди вокруг уже вовсю занимались своими делами. Воздух наполнился довольными и недовольными криками, а также степенными голосами тех, для кого жизнь уже исчерпала свои сюрпризы, как в хорошем смысле, так и в дурном. Неодушевленные предметы тоже тяжело трогались с места, в первую очередь тяжелые средства передвижения, например грузовики, фургоны и вообще транспорт. Несмотря на бушующий дождь, все опять пришло в такое же бурное движение, словно небо сияло лазурью.

— Мне пришлось тебя ждать, — сказал Мерсье.

— Наоборот, — сказал Камье, — это мне пришлось тебя ждать.

— Я был на месте в пять минут десятого, — сказал Мерсье.

— А я в четверть десятого, — сказал Камье.

— Вот видишь, — сказал Мерсье.

— И ожидание, и опоздание, — сказал Камье, — считается с того момента, о котором заранее договорились.

— А на когда, по-твоему, мы договорились? — сказал Мерсье.

— На четверть десятого, — сказал Камье.

— В таком случае ты глубоко заблуждаешься, — сказал Мерсье.

— То есть как? — сказал Камье.

— Нет, ты меня все-таки поражаешь, — сказал Мерсье.

— Объяснись, — сказал Камье.

— Стоит мне закрыть глаза, я так и вижу всю сцену, — сказал Мерсье, — твоя рука в моей руке, на глаза мне набегают слезы, и я дрогнувшим голосом произношу: значит, договорились, завтра в девять. А мимо проходит пьяная тетка, распевая неприличную песню и задирая юбку.

— Она тебя отвлекла, — сказал Камье. Он вытащил из кармана записную книжку, полистал ее и прочел: понедельник, второе число, Св. Макарий, Мерсье, четверть десятого, сквер Сент-Рута, забрать у Элен зонтик.

— И что это доказывает? — сказал Мерсье.

— Мои благие намерения, — сказал Камье.

— Что правда, то правда, — сказал Мерсье.

— Мы все равно никогда не узнаем, — сказал Камье, — в котором часу договорились встретиться сегодня. Так что не будем и пытаться.

— Одно во всей этой истории не вызывает сомнений, — сказал Мерсье, — мы встретились без десяти десять, одновременно со стрелками на часах.

— И на том спасибо, — сказал Камье.

— Дождя еще не было, — сказал Мерсье.

— Утренние благие порывы еще не развеялись, — сказал Камье.

— Не потеряй нашей записной книжки, — сказал Мерсье.

Тут появился первый из длинной вереницы вредителей. Он был в линялом зеленом мундире, обильно украшенном в предусмотренных уставом местах героическими орденами, медалями и лентами, и этот наряд был ему к лицу, очень к лицу. По примеру великого Сарсфилда, он чуть не погиб, защищая территорию, которая сама по себе была ему явно безразлична, да и как символ она, скорее всего, волновала его ничуть не больше. В руке у него была трость, элегантная и вместе с тем массивная, и временами он даже на нее опирался. У него очень болела ляжка, временами боль зигзагом пронзала ему ягодицу и проникала в отверстие, из которого посылала сигналы бедствия всей кишечной системе вплоть до пилорического клапана и его продолжений,

то есть мочеточников и мошонки, разумеется, и вызывала почти непрестанное желание помочиться. Ему, на пятнадцать процентов инвалиду, из-за чего его не уважали почти все те, как мужчины, так и женщины, с которыми он что ни день соприкасался в силу профессии и остатков добродушия, иногда представлялось, что лучше бы он во времена великих бурь посвятил себя домашним перепалкам, гэльскому языку, укреплению веры и сокровищам уникального и неповторимого фольклора. Опасность для здоровья была бы меньше, а выгоды вероятнее. Но, просмаковав всю горечь этой мысли, он ее обычно гнал от себя как недостойную. Ему хотелось, чтобы его усы торчали вверх, и они торчали прежде, но теперь обвисли. Время от времени он обдавал их снизу облачком зловонного дыхания пополам со слюной. Это ненадолго вздымало их кверху. Застыв у подножия лестницы, ведущей в пагоду, в распахнутом дождевике, по которому струилась вода, он переводил взгляд с Мерсье и Камье на собак, с собак на Мерсье и Камье.

— Чей велосипед? — сказал он.

Мерсье и Камье переглянулись.

— Мы и без велосипедов обходимся, — сказал Камье.

— Уберите, — сказал сторож.

— Может, это нас хоть немного развеселит, — сказал Мерсье.

— Чьи собаки? — сказал сторож.

— По-моему, — сказал Камье, — нам придется отсюда уйти.

— Может, это как раз тот удар хлыста, которого нам не хватало, чтобы отправиться в путь, — сказал Мерсье.

— Мне что, позвать полицию? — сказал сторож.

— Боюсь, добром дело не кончится, — сказал Камье.

— Вы предпочитаете, чтобы я позвал слесаря сбить с него замок? Или чтобы я вышвырнул его отсюда пинком прямо по спицам? — сказал сторож.

— Ты понимаешь что-нибудь в этих бессвязных речах? — сказал Камье.

— У меня сильно упало зрение, — сказал Мерсье. — По-моему, речь о велосипеде.

— И что дальше? — сказал Камье.

— Его присутствие здесь, — сказал Мерсье, — противоречит правилам.

— Тогда пускай уберет, — сказал Камье.

— Не может, — сказал Мерсье. — Велосипед

как-то прикреплен, вероятно, к дереву или к статуе, не то замком, не то тросом. По крайней мере, такова моя интерпретация.

— Вполне правдоподобно, — сказал Камье.

— К сожалению, тут не только велосипед, насколько я понимаю, — сказал Мерсье. — Тут еще и собаки.

— Кому они мешают?

— Противоречат постановлению, — сказал Мерсье, — точно так как же как велосипед.

— Но они же ни к чему не привязаны, — сказал Камье, — только друг к другу, совокуплением.

— Это верно, — сказал Мерсье.

— В таком случае пускай он исполнит свой долг, — сказал Камье. — Пускай он их тут нам немедленно уберет.

— Я с тобой согласен, — сказал Мерсье.

— Собаки могут подождать, — сказал сторож.

— Ха-ха, — сказал Камье.

— Почему ты так хохочешь? — сказал Мерсье.

— Они могут подождать! — сказал Камье.

— Я вам посмеюсь, — сказал сторож. — Я вам так посмеюсь.

— Отец мне всегда повторял, — сказал Мерсье, — чтобы я вынимал трубку изо рта, перед тем как заговаривать с чужим человеком, какое бы

скромное положение в обществе он ни занимал.

— Какое бы скромное, — сказал Камье. — Как забавно звучит.

Сторож поднялся по ступеням, ведущим в убежище, и замер в дверном проеме. Внутри сразу потемнело и воздух пожелтел.

— По-моему, он сейчас на нас нападет, — сказал Камье.

— Ты, как всегда, бей по яйцам, — сказал Мерсье.

— Дорогой блюститель порядка, — сказал Камье, — чего вы, собственно, от нас хотите?

— Видите велосипед? — сказал сторож.

— Ничего не вижу, — сказал Камье. — Мерсье, ты видишь велосипед?

— Он ваш? — сказал сторож.

— Поскольку разговор идет о предмете, которого мы не видим, — сказал Камье, — о предмете, существование которого вытекает только из ваших утверждений, откуда же нам знать, наш он или чужой?

— Почему наш? — сказал Мерсье. — Разве собаки наши? Нет. Мы их сегодня увидели в первый раз. А вы хотите, чтобы этот велосипед, если тут вообще есть велосипед, был наш. Вот ведь собаки не наши.

— Плевать мне на ваших собак, — сказал сторож.

Но тут, словно опровергая собственные слова, он налетел на собак и, осыпая пинками и ударами палки, а также энергичными ругательствами, выдворил их из пагоды. Отступление далось им нелегко, так крепко они были привязаны друг к другу. Пытаясь высвободиться, они тянули в разные стороны, и их усилия взаимно уничтожались. Вероятно, им было очень больно.

— Грязные скоты, — сказал сторож.

— Теперь ему плевать на собак, — сказал Мерсье.

— Он выгнал их из убежища, — сказал Камье, — это бесспорно, но не из сквера.

— Дождь скоро ослабит связующие их узы, — сказал Мерсье. — Они одурели от любви и не подумали об этом.

— В сущности, он оказал им услугу, — сказал Камье.

— Будем с ним полюбезнее, — сказал Мерсье, — он герой Великой войны. Пока мы, не боясь, что нам помешают, на всю катушку онанировали в укромном местечке, он с полными штанами барахтался во фламандской грязи.

Не делайте вывода из этих легковесных слов,

Мерсье и Камье были немолодые юнцы.

— Это мысль, — сказал Камье.

— Только посмотри на всю эту дребедень, ордена и медали, — сказал Мерсье. — Представляешь, какие количества поноса за этим кроются?

— С трудом, — сказал Камье. — У меня всегда был запор.

— Предположим, что этот так называемый велосипед наш, — сказал Мерсье. — Что страшного?

— Давайте начистоту, — сказал Камье, — он наш.

— Даю вам пять минут на то, чтобы его убрать, — сказал сторож. — Потом я позову полицию.

— Сегодня мы наконец, — сказал Мерсье, — после многолетних проволочек удалимся в неизвестном направлении и, быть может, не вернемся живыми. Мы только ждем, чтобы распогодилось, и тут же пустимся в путь. Попытайтесь нас понять.

— Это меня не касается, — сказал сторож.

— А кроме того, — сказал Мерсье, — нам осталось кое в чем разобраться, пока еще не поздно.

— Разобраться? — сказал Камье.

— Вот именно, — сказал Мерсье.

— Я думал, мы уже во всем разобрались, — сказал Камье.

— Не во всем, — сказал Мерсье.

— Уберете или не уберете? — сказал сторож.

— Раз уж вы глухи к доводам рассудка, — сказал Мерсье, — нельзя ли купить ваше расположение?

— Разумеется, — сказал страж.

— Дай ему шиллинг, — сказал Мерсье. — Как все же неудачно, что первые наши расходы совершатся под знаком низкого шантажа.

— Убийцы, — сказал сторож. Потом он исчез.

— Какие-то они все одинаковые, — сказал Мерсье.

— Теперь будет бродить вокруг, — сказал Камье.

— А нам-то что? — сказал Мерсье.

— Не люблю, когда мне бродят вокруг, — сказал Камье.

— Ты хочешь сказать, бродят вокруг меня? — сказал Мерсье.

— Я хочу сказать, мне бродят вокруг.

Этой забавы им хватило ненадолго.

Время уже клонилось к полудню.

— А теперь займемся собой, — сказал Мерсье.

— Собой? — сказал Камье.

— Ну да, — сказал Мерсье. — Самими собой, серьезным делом.

— Не перекусить ли нам? — сказал Камье.

— Сначала разберемся, — сказал Мерсье. — А потом подкрепимся.

Последовал долгий спор, перемежавшийся долгими паузами, во время которых оба размышляли. При этом то один, то другой проваливались в такие бездны задумчивости, что голос одного из них, подхватывая спор, был не в силах вывести другого из этого состояния или просто не достигал его слуха. Или, одновременно придя к зачастую противоположным выводам, они принимались одновременно их излагать. Кроме того, нередко получалось так, что один из них глубоко задумывался еще до того, как второй успевал изложить свою идею. Время от времени они переглядывались, не в силах больше произнести ни слова и с пустотой в мыслях. На исходе одной из таких вспышек обалдения они решили ненадолго отказаться от дальнейших исследований. Дело шло к часу дня, дождь лил по-прежнему, короткий зимний день клонился к закату.

— Продукты были на тебе, — сказал Мерсье.

— Наоборот, на тебе, — сказал Камье.

— Да, правда, — сказал Мерсье.

— У меня прошел голод, — сказал Камье.

— Надо поесть, — сказал Мерсье.

— Не вижу зачем, — сказал Камье.

— Нам еще предстоит долгий и трудный путь, — сказал Мерсье.

— Чем раньше подохнем, тем лучше, — сказал Камье.

— Правда, — сказал Мерсье.

В дверях возникла голова сторожа. Это было неправдоподобно — одна голова.

— Если решите заночевать, с вас полкроны, — сказал он.

— Мы уже разобрались? — сказал Камье.

— Нет, — сказал Мерсье.

— А разберемся когда-нибудь? — сказал Камье.

— Надеюсь, — сказал Мерсье. — Да, надеюсь, хотя и не очень твердо, что настанет день, когда мы наконец во всем разберемся.

— Это будет замечательно, — сказал Камье.

— Давай не терять надежды, — сказал Мерсье.

Они обменялись долгим взглядом. Камье подумал: «Я даже его и то не вижу». Аналогичная мысль пронзила его собеседника.

Однако за время разговора вроде бы прояснились два пункта.

1. Мерсье поедет один, на велосипеде, в непро-

мокаемом плаще. Прибыв на место привала, он позаботится обо всем необходимом до появления Камье, который пустится в путь, как только погода позволит. Зонтик останется у Камье.

2. Так вышло, что до сих пор Мерсье проявлял скорее бодрость, а Камье инертность. С минуты на минуту положение может кардинально перемениться. Чтобы идти вперед, пускай более слабый всегда опирается на менее слабого. Возможно, оба преисполнятся энергии. Это будет превосходно. Но может статься, что они одновременно впадут в полное изнеможение. В таком случае не следует предаваться отчаянию, а нужно, не теряя веры, ждать, когда трудный период кончится. Несмотря на неопределенность этих слов, их значение более или менее понятно.

— Не знаю, о чем теперь думать, — сказал Камье, — а потому отворачиваюсь.

— Похоже, развиднелось, — сказал Мерсье.

— Солнце наконец проглянуло, — сказал Камье, — чтобы мы могли полюбоваться, как оно закатится за горизонт.

— Меня всегда так волнуют, — сказал Мерсье, — эти долгие зори, играющие тысячами красок.

— Трудовой день окончен, — сказал Камье. — Кажется, будто чернила брызжут с востока

и затопляют небосвод.

Зазвонил колокол, возвещавший закрытие.

— Мне чудятся, — сказал Камье, — смутные и пушистые призраки. Они витают вокруг нас, издавая глухие стоны.

— И впрямь, — сказал Мерсье, — с самого утра за нами следят соглядатаи.

— Неужели теперь мы останемся одни? — сказал Камье.

— Я никого не вижу, — сказал Мерсье.

— Раз такое дело, отправимся в путь вместе, — сказал Камье.

Они вышли из убежища.

— Рюкзак, — сказал Мерсье.

— Зонтик, — сказал Камье.

— Плащ, — сказал Мерсье.

— Он у меня, — сказал Камье.

— А больше ничего? — сказал Мерсье.

— Больше ничего не вижу, — сказал Камье.

— Пойду поищу, — сказал Мерсье. — Постереги велосипед.

Это был дамский велосипед, к сожалению, без ручного тормоза. Чтобы затормозить, надо было крутануть педали назад.

Сторож со связкой ключей в руке смотрел им вслед. Мерсье держался за руль, Камье за седло.

— Убийцы, — сказал сторож.

II

Витрины озарялись, другие витрины гасли, смотря какая витрина. Скользкие улицы заполнялись толпой, спешившей, судя по всему, к определенной цели. Воздух был пропитан каким-то яростным и усталым комфортом. Если закрыть глаза, не слышно было ни одного голоса, только безбрежное шарканье ног. В этой тишине поспешающих орд они, как могли, шли вперед. Они шагали по самой кромке тротуара. Впереди Мерсье, держась за руль, позади Камье, держась за седло, а велосипед катился в кювете рядом с ними.

— Ты мне больше мешаешь, чем помогаешь, — сказал Мерсье.

— Я не стараюсь тебе помочь, — сказал Камье, — я стараюсь помочь себе.

— Тогда ладно, — сказал Мерсье.

— Мне холодно, — сказал Камье.

И в самом деле, было холодно.

— И в самом деле холодно, — сказал Мерсье.

— Куда мы идем таким уверенным шагом? — сказал Камье.

— По-моему, мы движемся в сторону канала, — сказал Мерсье.

— Уже? — сказал Камье.

— Возможно, нам понравится, — сказал Мерсье, — идти бечевой, не отклоняясь ни вправо, ни влево, пока не наскучит. Чтобы впереди, смотрим мы на них или нет, призывно сияли меркнущие огни, которые нам столь дороги.

— Говори за себя, — сказал Камье.

— А кроме того, вода будет свинцового цвета, — сказал Мерсье, — и от этого тоже не стоит отмахиваться. И кто знает, быть может, нас охватит желание броситься в волны.

— Мостики попадаются все реже и реже, — сказал Камье. — Наклонившись над шлюзами, мы пытаемся что-то понять. С барж, причаленных к берегам канала, доносятся голоса моряков, кричащих нам «добрый вечер». Их день окончен, они курят последнюю трубку, перед тем как уйти на покой.

— Шлюзы? — сказал Мерсье.

— Шлюзы, — сказал Камье. — Ш-Л-Ю-З-Ы, шлюзы.

— Каждый сам за себя, — сказал Мерсье. — Только Бог за всех.

— Город далеко позади, — сказал Камье. — Во-

круг постепенно сгущается тьма, синяя с черным. Звезды подернулись дымкой. Луна взойдет лишь к четырем часам утра. Все сильнее пробирает холод. Мы шлепаем по лужам, оставшимся после дождя. Больше нет сил идти вперед. Вернуться тоже невозможно.

Чуть погодя он добавил:

— О чем ты задумался, Мерсье?

— Так, вообще, об ужасе жизни, — сказал Мерсье.

— Может, пойдем пропустим по глотку? — сказал Камье.

— Я думал, мы договорились, — сказал Мерсье, — прибегать к алкоголю только в случаях дорожных происшествий или недомоганий. Разве среди наших многочисленных условий не предусматривался такой пункт?

— Я не говорю — выпить, — сказал Камье, — я говорю — пропустить по стаканчику, быстро, чтобы взбодриться.

Остановились у первого же бара.

— С велосипедами нельзя, — сказал хозяин бара.

Если подумать, это, скорее всего, был просто бармен.

— Он это называет велосипедом, — сказал

Камье.

— Пошли отсюда, — сказал Мерсье.

— Дерьмо, — сказал бармен.

— Ну и что? — сказал Камье.

— А не привязать ли его к фонарю? — сказал Мерсье.

— Это развяжет нам руки, — сказал Камье.

В конце концов сошлись на том, чтобы привязать велосипед к решетке. Результат был тот же самый.

— А что дальше? — сказал Мерсье.

— Вернемся к месье Велосипеду? — сказал Камье.

— Никогда, — сказал Мерсье.

— Никогда так не говори, — сказал Камье.

И они пошли в бар напротив.

Сидя у стойки, они рассуждали о том, о сем, перескакивая, по своему обыкновению, с пятого на десятое. Говорили, умолкали, слушали друг друга, не слушали, ни в чем себя не неволя и следуя собственному ритму. Иногда Камье целую минуту был не в силах поднести к губам стакан. На Мерсье подчас нападало такое же изнеможение. Тогда тот, кто сильнее, давал попить более слабому, прижимая к его губам краешек стакана. Вокруг них теснились сумрачные и словно плю-

шевые фигуры, постепенно толпа становилась все гуще. Тем не менее из их разговора вытекало нижеследующее.

1. В настоящий момент идти дальше было бы бессмысленно и даже безрассудно.

2. Остается только попроситься на ночлег к Элен.

3. Ничто не помешает им продолжить путь завтра с утра пораньше, в любое время.

4. Упрекнуть им себя не в чем.

5. Существует ли то, что они ищут?

6. Что они ищут?

7. Никакой спешки нет.

8. Все соображения насчет этого путешествия надо будет пересмотреть на свежую голову.

9. Важно одно — пуститься в путь.

10. И хрен с ним.

На улице они вновь взялись под руки. Через несколько сотен метров Мерсье обратил внимание Камье на то, что они шагают не в ногу.

— У тебя свой ритм, — сказал Камье, — а у меня свой.

— Я не в осуждение, — сказал Мерсье. — Просто это утомительно. Движемся рывками.

— По мне, так лучше попроси меня прямо и без экивоков, — сказал Камье, — и я или отпу-

щу твою руку и отойду в сторону, или приноровлюсь к твоим кренделям.

— Камье, Камье, — сказал Мерсье, сжимая руку товарища.

На перекрестке они остановились.

— Куда теперь потащимся? — сказал Камье.

— Положение наше очень странное, — сказал Мерсье, — я имею в виду по отношению к дому Элен, если я правильно сориентировался. Дело в том, что все эти дороги, которые ты видишь, приведут нас туда одинаково легко и просто.

— Тогда повернем обратно, — сказал Камье.

— Это нас значительно отдалит от цели, — сказал Мерсье.

— Но не можем же мы торчать тут всю ночь, как дураки, — сказал Камье.

— Метнем в воздух наш зонтик, — сказал Мерсье. — Он как-нибудь да упадет на землю, согласно законам, кои нам неведомы. Останется только пойти в ту сторону, в какую он нам укажет.

Зонтик указал налево. Он был похож на большую раненую птицу, большую и несчастную птицу, которую подстрелили охотники, и вот теперь она, задыхаясь, ждет, чтобы ее добили из милосердия. Сходство было поразительное.

Камье подобрал зонтик и прицепил к своему карману.

— Надеюсь, он не сломался, — сказал Мерсье.

В этот миг их внимание привлек странный тип — на этом господине, вопреки зябкой погоде, были только фрак и цилиндр. Казалось, ему с ними по дороге, потому что он был виден им со спины. Его руки с каким-то безумным кокетством приподнимали, разводя по сторонам, фалды фрака. Шагал он осторожно, широко расставляя негнущиеся ноги.

— Тебе хочется петь? — сказал Камье.

— Насколько мне известно, нет, — сказал Мерсье.

Опять припустил дождь. Хотя разве он прекращался?

— Прибавим шагу, — сказал Камье.

— Почему ты спрашиваешь? — сказал Мерсье.

Камье как будто не спешил с ответом. Наконец он сказал:

— Я слышу пение.

Они остановились, чтобы лучше слышать.

— Ничего не слышу, — сказал Мерсье.

— А ведь у тебя, по-моему, хороший слух, — сказал Камье.

— Очень приличный, — сказал Мерсье.

— Странно, — сказал Камье.

— Ты и сейчас слышишь? — сказал Мерсье.

— Похоже на смешанный хор, — сказал Камье.

— Наверно, это иллюзия, — сказал Мерсье.

— Может быть, — сказал Камье.

— Давай бегом, — сказал Мерсье.

Некоторое время они бежали по темным, сырым и безлюдным улицам. Когда бег прекратился, Камье сказал:

— В хорошем же виде мы явимся к Элен, мокрые до нитки.

— Мы сразу разденемся, — сказал Камье. — Повесим одежду сушиться у огня или в бельевой шкаф, там проходят трубы с горячей водой.

— В сущности, — сказал Мерсье, — почему мы не воспользовались зонтиком?

Камье посмотрел на зонтик, который был у него в руке. Он его взял в руку, чтобы удобнее было бежать.

— А ведь могли, — сказал он.

— Зачем нагружать себя зонтиком, — сказал Мерсье, — если нельзя раскрыть его, когда нужно?

— Я того же мнения, — сказал Камье.

— Так раскрывай, черт побери, — сказал Мерсье.

Но у Камье зонтик не раскрывался.

— Не могу, — сказал Камье.

— Дай сюда, — сказал Мерсье.

Но у Мерсье он тоже не раскрылся.

В этот миг дождь, услужливый агент всемирной зловредности, обратился в сущий потоп.

— Заело, — сказал Камье. — Главное, не надо силой.

— Сволочь, — сказал Мерсье.

— Это ты про меня? — сказал Камье.

— Это я про зонтик, — сказал Мерсье. Он высоко поднял его над головой обеими руками и яростно швырнул на землю. — Ну, мразь, — сказал он. И добавил, подняв к небу искаженное промокшее лицо и вздымая к нему кулаки: — Да на хрен ты мне тут сдался.

Страдания, которые Мерсье героически сдерживал с самого утра, вырвались наконец на свободу, это было очевидно.

— Это ты к нашему выручателю так обращаешься? — сказал Камье. — Ты не прав. Это, наоборот, ты ему тут на хрен сдался. Ему-то ни хрена не делается. Этому выручателю ни хрена не делается.

— И пожалуйста, не припутывай к нашему спору мадам Мерсье, — сказал Мерсье.

— Это бред, — сказал Камье.

— Будь в этом месте грязь поглубже, — сказал Мерсье, — я бы побарахтался в ней до утра.

У Элен первым делом заметили ковер.

— Ты только посмотри на этот палас, — сказал Камье.

Мерсье посмотрел.

— Симпатичный коврик, — сказал он.

— Неслыханно, — сказал Камье.

— Можно подумать, что ты его видишь в первый раз, — сказал Мерсье. — Ты-то уж вдоволь на нем повалялся.

— Впервые вижу, — сказал Камье. — Я его никогда не забуду.

— Все так говорят, — сказал Мерсье.

Тем вечером больше всего бросался в глаза ковер, хотя было на что посмотреть и кроме ковра. На попугая ара, например. Он балансировал в неустойчивом равновесии на жердочке, подвешенной в углу к потолку и чуть заметно подрагивавшей от естественной склонности к колебаниям и вращению. Несмотря на позднее время, попугай не спал. Его грудь слабо вздувалась и опадала в неровном задыхающемся ритме. При каждом выдохе пушок приподнимался от неуловимой дрожи. Время от времени

клюв раззевался и на несколько секунд оставался разинутым. Прямо не попугай, а рыба. Тогда было видно, как шевелится черный веретенообразный язычок. Настороженные глаза, полные несказанной тоски и растерянности, слегка отворачивались от света. По оперению, вспыхивающему ироническим блеском, пробегали тревожные складки. Под попугаем, на ковре, была разложена большая развернутая газета.

— Есть моя кровать и диван, — сказала Элен.

— Вы располагайтесь, — сказал Мерсье, — а я ни с кем вместе спать не буду.

— А я бы не отказался, — сказал Камье, — от небольшого славного насосика, только не слишком долго, а так, чуть-чуть.

— Никаких насосиков, — сказала Элен. — С этим покончено.

— Я лягу на полу, — сказал Мерсье, — и буду ждать рассвета. Перед моими открытыми глазами вереницей пройдут сцены и лица. Дождь будет барабанить коготками по стеклам, и тьма поведает мне о своих красках. Меня охватит желание выброситься из окна, но я его обуздаю… Я его обуздаю! — проревел он.

Когда они опять оказались на улице, то задумались, куда делся велосипед. Рюкзак тоже исчез.

— Видал попугая? — сказал Мерсье.

— Красивый, — сказал Камье.

— Он стонал ночью, — сказал Мерсье. — Я и не знал, что попугаи стонут, а этот стонал, и даже довольно часто.

— Может, это была мышь, — сказал Камье.

— Я его буду видеть до конца дней моих, — сказал Мерсье.

— Я и не знал, что у нее есть попугай, — сказал Камье. — Но меня добил ковер.

— И меня, — сказал Мерсье. — Она говорит, что он у нее уже много лет.

— Ей соврать ничего не стоит, — сказал Камье.

Дождь шел по-прежнему. Они укрылись под аркой, не зная, куда идти.

— В какой именно момент ты обнаружил отсутствие рюкзака? — сказал Мерсье.

— Сегодня утром, — сказал Камье, — когда хотел выпить какой-нибудь сульфамид.

— Такие подробности меня не интересуют, — сказал Мерсье.

— Помнишь события вчерашнего вечера? — сказал Камье.

— Помню в общих чертах, — сказал Мерсье. — Но мы были в районе, который я плохо знаю.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — сказал

Камье.

— Слабым, но решительным, — сказал Мерсье. — А ты?

— Чуток получше, чем вчера, — сказал Камье.

— Не вижу зонтика, — сказал Мерсье.

Камье осмотрел себя с головы до ног, опуская голову и разводя руки, словно речь шла о пуговице.

— Скорее всего, мы забыли его у Элен, — сказал он.

— Сдается мне, — сказал Мерсье, — что, если мы не покинем этого города сегодня, мы не покинем его никогда. Так что давай хорошенько подумаем, прежде чем пускаться на поиски этих вещей.

— Что именно было в рюкзаке? — сказал Камье.

— Туалетные принадлежности, — сказал Мерсье.

— Излишняя роскошь, — сказал Камье.

— Несколько пар носков и одни трусы, — сказал Мерсье.

— Надо же, — сказал Камье.

— И кое-какая еда, — сказал Мерсье.

— Которую давно пора выбросить, — сказал Камье.

— Сперва ее надо найти, — сказал Мерсье.

— Сядем в первый же экспресс и поедем на юг! — воскликнул Камье. И добавил: — Так у нас хотя бы не будет искушения сойти на первой же станции.

— А почему на юг, — сказал Мерсье, — а не на север, не на восток и не на запад?

— Мне больше нравится юг, — сказал Камье.

— Разве это объяснение? — сказал Мерсье.

— Вокзал ближе всего, — сказал Камье.

— Об этом я не подумал, — сказал Мерсье. Он вышел на улицу и посмотрел на небо. Небо было серое и низкое, в какую сторону ни посмотри.

— Небо равномерно пакостное, — сказал он, вернувшись в укрытие. — Без зонтика мы промокнем, как крысы.

— Ты хочешь сказать, как собаки, — сказал Камье.

— Я хочу сказать, как крысы, — сказал Мерсье.

— Даже если бы у нас был зонтик, — сказал Мерсье, — мы бы не смогли им воспользоваться. Он сломан.

— Что ты сочиняешь? — сказал Мерсье.

— Мы его сломали вчера вечером, — сказал Камье, — пока с ним советовались. Это была твоя идея.

Мерсье обхватил голову руками. Постепенно вся сцена воскресла перед его взором. Он гордо выпрямился.

— Ладно, — сказал он. — Не будем предаваться бесплодным сожалениям.

— Плащ можно носить по очереди, — сказал Камье.

— Мы же будем в поезде, — сказал Мерсье, — мчащемся к югу.

— Сквозь залитые водой стекла, — сказал Камье, — мы попытаемся считать коров. Они уныло дрожат за шаткими изгородями. Улетают вдаль мокрые и взлохмаченные вороны. Но постепенно погода исправляется. И под сверкающим солнцем мы прекрасным зимним деньком выходим из вагона. Где-нибудь в Монако.

— Не помню, ел ли я что-нибудь за последние двадцать четыре часа, — сказал Мерсье.

— Я ел луковый суп, часа в четыре утра, — сказал Камье. — Ты, наверно, слышал.

— Несмотря на это, я совершенно не голоден, — сказал Мерсье.

— Надо есть, — сказал Камье. — Не то желудок растянется и сплющится, как ложная киста.

— А правда, как твоя киста? — сказал Мерсье.

— Затаилась, — сказал Камье. — Но там, в глу-

бине, назревает катастрофа.

— И что ты тогда собираешься делать? — сказал Мерсье.

— Подумать боюсь, — сказал Камье.

— Я бы съел пирожное с кремом, — сказал Мерсье. — Нельзя, так нельзя, но я бы съел.

— С клубничным, — сказал Камье.

Мерсье подумал.

— Скорее, со сливовым, — сказал он.

— Пойду принесу, — сказал Камье. — Жди меня здесь.

— Нет, нет! — воскликнул Мерсье. — Не уходи от меня, давай держаться вместе!

— Успокойся, — сказал Камье. — Плащ сейчас на мне. Значит, я и схожу. Дел-то на две минуты. — Он вышел на улицу и стал переходить дорогу.

— Камье! — воскликнул Мерсье.

Камье обернулся.

— Марципан! — воскликнул Мерсье.

— Что? — воскликнул Камье.

— Марципан! — воскликнул Мерсье.

Камье бегом вернулся под арку.

— Ты хочешь, чтобы я попал под машину! — сказал он. — Что тебе надо?

— Марципан, — сказал Мерсье.

— Марципан, марципан, — сказал Камье. — А что это такое — марципан?

Мерсье объяснил.

— И с кремом, — сказал Камье.

— Разумеется, с кремом! — воскликнул Мерсье. — Ну давай, живо.

Камье не двинулся с места.

— Чего ты ждешь? — сказал Мерсье.

— Я советовался сам с собой, — сказал Камье. — Я говорил себе: Камье, разозлиться нам на него или не стоит?

— Советуйся с собой в другом месте, — сказал Мерсье.

— Кто угодно на моем месте разозлился бы, — сказал Камье. — А я, по зрелом размышлении, не стал. Потому что подумал: время нелегкое, а Мерсье не в форме. — Он подошел ближе к Мерсье, тот попятился. — Я хотел только тебя обнять, — сказал Камье. — Обниму в другой раз, когда тебе будет лучше, если только не забуду. — Он вышел под дождь и исчез.

Оставшись один, Мерсье стал расхаживать взад и вперед под аркой и погрузился в горькие размышления. С позавчерашнего вечера это была их первая разлука. Подняв глаза, словно для того, чтобы отогнать нестерпимую картину, он увидел

двух детей, мальчика и девочку, смотревших на него. Они были в совершенно одинаковых черных непромокаемых накидках с капюшоном, на спине у мальчика — небольшой ранец. Дети держались за руки.

— Папа, — почти хором сказали они.

— Здравствуйте, детки, — сказал Мерсье, — живо марш отсюда.

Но они и не думали уходить. Сцепленные вместе руки раскачивались туда-сюда, как качели. Наконец девочка вырвала руку и подошла к тому, кого они обозвали папой. Она потянулась к нему, словно прося, чтобы ее поцеловали или по крайней мере приласкали. Мальчик, явно волнуясь, двинулся следом. Мерсье поднял ногу и гневно топнул по мостовой. «Убирайтесь!» — воскликнул он. Дети попятились до тротуара и там опять замерли. «Пошли вон!» — взревел Мерсье. Он яростно рванулся в их сторону, и дети смылись. Мерсье вышел под дождь и стал смотреть, как они бегут прочь. Но скоро они остановились и оглянулись. То, что они увидели, вероятно, произвело на них сильное впечатление, потому что они понеслись дальше и юркнули за первый же угол. Незадачливый Мерсье несколько минут с остервенением следил, в самом ли деле угроза

миновала, а потом, весь промокший, вернулся под арку и возобновил свои размышления если и не с того самого места, на котором они прервались, то с близкого к нему. У размышлений Мерсье была та особенность, что они неизменно выливались в одну и ту же бурю и выносили его на один и тот же риф, с какого места их ни начинай. Может быть, это были не столько размышления, сколько бурные и зловещие грезы, в которых прошлое самым неприятным образом сливалось с будущим, а настоящее исполняло неблагодарную роль вечного утопленника. Что поделаешь.

— Ну вот, — сказал Камье, — надеюсь, ты не начал беспокоиться.

Мерсье развернул бумагу и выложил пирожное на ладонь. Придвинул к нему нос, глаза, низко наклонился. Не выпрямляясь, искоса метнул на Камье исполненный недоверия взгляд.

— Это ромовая баба, — сказал Камье. — Все, что я смог найти.

Мерсье, по-прежнему согнувшись в три погибели, подошел к выходу на улицу, где было светлее, и еще раз рассмотрел пирожное.

— В нем полным-полно рома, — сказал Камье.

Мерсье медленно сжал кулак, и пирожное

брызнуло у него между пальцами. Его выпученные глаза наполнились слезами. Камье подошел ближе, чтобы лучше видеть. Все новые и новые слезы, набегая, текли по щекам и прятались в бороде. Лицо оставалось спокойным. Глаза, набухшие влагой и, вероятно, незрячие, казалось, пристально следили за чем-то, перемещавшимся по земле.

— Если бы ты не злился, — сказал Камье, — ты бы мог просто отдать его собаке или ребенку.

— Я плачу, — сказал Мерсье, — не мешай.

Когда Мерсье доплакал, Камье сказал:

— Возьми наш платок.

— Бывают дни, — сказал Мерсье, — когда мы то и дело рождаемся. В такие дни повсюду полным-полно маленьких вонючих Мерсье. Это потрясающе. Никогда не сдохну.

— Хватит — сказал Камье. — Что ты скорчился закорюкой. Словно тебе девяносто лет.

— Это был бы мне прекрасный подарок, — сказал Мерсье. Он вытер руку о штаны. — Кажется, я сейчас стану на четвереньки, — сказал он.

— Я пошел, — сказал Камье.

— Ты меня покидаешь, — сказал Мерсье. — Так я и знал.

— Ты же меня знаешь, — сказал Камье.

— Нет, — сказал Мерсье, — но я надеялся на твое доброе отношение, надеялся, что ты поможешь мне избыть мою боль.

— Я могу тебе помочь, но не могу воскресить, — сказал Камье.

— Возьми меня за руку, — сказал Мерсье, — и уведи далеко отсюда. Я буду послушно трусить рядышком, как щенок или малое дитя. И в один прекрасный день…

Воздух разорвал кошмарный визг тормозов, сопровождавшийся ревом и гулким стуком. Мерсье и Камье бросились (после недолгого колебания) наружу и увидели, прежде чем набежала толпа, что на земле чуть заметно колышется довольно-таки пожилая толстуха. Одежда ее пришла в такой беспорядок, что виднелось застиранное исподнее, невероятно толстое и пышное. Из одной или нескольких ран у толстухи текла кровь, и ручеек этой крови уже достиг водосточной канавки.

— Ага, — сказал Мерсье, — вот то, что мне было нужно. Я совершенно воспрянул. — И в самом деле, он преобразился.

— Пусть это послужит нам уроком, — сказал Камье.

— В каком смысле? — сказал Мерсье.

— Что никогда не стоит падать духом, — сказал Камье. — Будем верить в жизнь.

— В добрый час, — сказал Мерсье. — Я боялся, что не так тебя понял.

По дороге навстречу им попалась машина «скорой помощи», которая неслась по направлению к тому месту, где разыгралась сцена несчастного случая.

— Что? — сказал Камье.

— Стыд и срам, — сказал Мерсье.

— Не понял, — сказал Камье.

— Восемь цилиндров, — сказал Мерсье.

— Ну и что? — сказал Камье.

— А они толкуют о нехватке горючего, — сказал Мерсье.

— Может, жертв несколько, — сказал Камье.

Сеял мелкий дождик, словно из лейки с очень мелкими дырочками. Мерсье шагал, запрокинув голову. Время от времени свободной рукой он тер себе лицо. Он уже давно не мылся.

III

Краткое изложение двух предыдущих глав

I

Отбытие.
Трудная встреча Мерсье и Камье.
Сквер Сент-Рута.
Пурпурный бук.
Дождь.
Убежище.
Собаки.
Депрессия Камье.
Сторож.
Велосипед.
Ссора со сторожем.
Мерсье и Камье совещаются.
Плоды совещания.
Вечернее прояснение.
Колокол.
Мерсье и Камье уходят.

II

Город в сумерках.
Мерсье и Камье направляются к каналу.
Воспоминание о канале.
Гнев бармена.
Первый бар.
Мерсье и Камье совещаются.
Плоды совещания.
Мерсье и Камье направляются домой к Элен.
Колебания в выборе пути.
Зонтик.
Человек во фраке.
Дождь.
Камье слышит пение.
Мерсье и Камье бегут.
Дождь.
Ливень.
Горе Мерсье.
У Элен.
Ковер.
Попугай ара.
Второй день.
Дождь.
Исчезновение рюкзака, велосипеда, зонтика.
Мерсье и Камье совещаются.

Плоды совещания.
Камье уходит.
Горе Мерсье.
Мерсье и дети.
Размышления Мерсье.
Камье возвращается.
Ромовая баба.
Слабость Мерсье.
Несчастный случай.
Мерсье и Камье уходят.
Дождь на лице у Мерсье.

IV

— Я родился в П. и был единственным, надеюсь, ребенком в семье. Мои родители были родом из Р. От них я унаследовал, вместе с бледной спирохетой, большой нос, остатки которого вы можете видеть и поныне. Со мной обращались строго, но справедливо. При малейшем непослушании отец лупил меня до крови толстым ремнем, на котором правил бритву. Но никогда не забывал сказать маме, чтобы смазала меня йодом или марганцовкой. Вероятно, этим объясняется мой скрытный и замкнутый характер. Я оказался не особенно способен к умственным упражнениям, поэтому в возрасте тринадцати лет меня взяли из школы и поместили к окрестным фермерам. Поскольку, выражаясь их слогом, небу было не угодно даровать им детей, они с вполне естественным остервенением набросились на меня. И когда родители мои как нельзя более кстати погибли в железнодорожной катастрофе, они усыновили меня по всей форме, предусмотренной законом. Но я, немощный как телесно, так и умственно, был для них источником мно-

гочисленных разочарований. Править возом, махать косой, возиться со свеклой и т. д. — все эти работы были мне не по силам и буквально убивали меня на месте, как только меня заставляли ими заняться. Даже на пастбище, как я ни усердствовал, мне никак не удавалось справиться ни с коровами, ни с козами. Скотина незаметно для меня забредала в соседские владения и там обжиралась цветами, фруктами и овощами. Не говорю о боях быков, козлов и баранов, которые настолько меня пугали, что я со всех ног бежал прятаться на гумне. Вдобавок досчитать до десяти было свыше моих сил, поэтому стадо никогда не возвращалось домой в полном составе, что, естественно, навлекало на меня упреки. И только на двух поприщах я могу похвалиться не скажу великими достижениями, но хотя бы успехами: я научился забивать ягнят, телят и козлят и холостить молодых бычков, барашков и козликов, правда, при условии, чтобы они были совсем нежные и невинные. И вот с пятнадцати лет я сосредоточился на этой специальности. У меня до сих пор хранятся славные маленькие — ну, сравнительно маленькие, конечно, — яички одного барашка, память о тех счастливых временах. Кроме того, я щегольски и не зная промаха

свирепствовал на птичьем дворе. У меня был свой особый способ душить гусей, вызывавший всеобщее восхищение. О, знаю, что вы слушаете меня вполуха и даже с раздражением, но мне все равно. Ведь я уже стар, и в жизни мне осталась одна радость — вспоминать (вслух и в возвышенном стиле, ненавистном мне самому) о славных деньках, которых, к счастью, уже не вернуть. Лет в двадцать, не то в девятнадцать, по оплошности обрюхатив молочницу, я дал деру — под покровом ночи, поскольку с меня не спускали глаз. Заодно уж я поджег гумна, амбары и конюшни. Но пожары, не успев толком разгореться, были залиты сильным ливнем, которого никто не мог предвидеть — так безоблачно было небо в миг покушения. Дожди — проклятие того злополучного края. Пятьдесят лет тому назад это было, все равно что пятьсот. — Он размахнулся палкой и стукнул ею по сиденью, из которого тут же вылетело облако тончайшей мимолетной пыли. — Пятьсот! — взревел он.

Поезд замедлил ход. Мерсье и Камье переглянулись. Поезд остановился.

— Не повезло, — сказал Мерсье, — мы в пассажирском поезде.

— Может, это удача, — сказал Камье.

— Вот вы говорите об удаче, — сказал старик.

Поезд опять тронулся с места.

— Мы могли бы выйти, — сказал Мерсье. — А теперь уже поздно.

— Выйдете на следующей, вместе со мной, — сказал старик.

— Это совсем другое дело, — сказал Мерсье.

— Подручный мясника, — сказал старик, — приказчик в бакалейной лавке, рассыльный у перекупщика, служащий похоронной конторы, ризничий, об этом лучше не будем, опять трупы, — вот вам моя жизнь. Я держался на плаву благодаря хорошо подвешенному языку, и каждый день было чуть легче, каждый день чуть лучше. Надо сказать, мне было в кого пойти, мой отец вышел — и нетрудно угадать, с какой спешкой — из чресл сельского кюре, это было известно всем и каждому. В пригородных кабачках и борделях я был главной фигурой. Друзья, говорил я им, а я ведь писать и то не умею, друзья, Гомер учит нас, «Илиада», песнь третья, стих восемьдесят пятый и дальше, в чем состоит счастье на земле, счастье то есть. О, я их не щадил. Я ведь им как говорил: Potopompos scroton evohe. Я, понимаете, ходил в школу. — Он испустил пронзительный самопроизвольный смешок. — В бесплатную школу,

великодушно предназначенную для изголодавшихся по ночному свету оборванцев. Potopompos scroton, наложить в штаны и пить неразбавленным. Я им как говорил: выйдите отсюда, поджавши хвост и вскинув голову, и приходите назад завтра. Супружницу — в шею, пускай сама крутится как знает. Иногда я попадался. Вставал с земли — сам весь в кровище, одежа в клочья. Детки, я ведь им как говорил, это отходы любви. Боженька тоже был замешан в эти дела. Но в конце концов все привыкли. Разоденусь, бывало, в пух и прах и иду на свадьбу, похороны, или танцы, или посиделки там, крестины. Всюду меня привечали. Меня, в сущности, любили. Я, бывало, им такого наговорю, насчет девственной плевы, вазелина, зари нужды, конца забот. Сплошные трупы всю жизнь. До самого того для, когда мне досталась ферма. Что я говорю — ферма, не одна, а целых две. Эти бедняги по-прежнему меня любили. И все вышло очень кстати, потому что у меня начал крошиться паяльник. А когда ваш паяльник начинает крошиться, вас любят все меньше и меньше. Подъезжаем.

Мерсье и Камье поджали ноги, чтобы его пропустить.

— Не выходите? — сказал старик. — И правиль-

но. Здесь только горемыки окаянные выходят.

Он был в гетрах, в желтой шляпе-котелке и в балахоне вроде редингота, доходившем ему до колен. Он проковылял на перрон, обернулся, захлопнул дверь и обратил к ним свое безобразное лицо.

— Видите ли, — сказал он, — я присматриваю себе купе заранее, жду, когда поезд тронется, и тогда уж сажусь в вагон. Они чувствуют себя спокойно, под защитой всяких зануд, но, простите, не тут-то было. В самый последний момент притащился папаша Мэдден. Поезд набирает скорость, а люди заперты внутри, никуда не денешься.

Поезд снова тронулся.

— Прощайте, прощайте, — крикнул господин Мэдден. — Они меня так и не разлюбили, не разлюбили…

Мерсье, сидя против хода поезда, видел, как он, не обращая внимания на людей, устремившихся к выходу, уронил голову на руки, опиравшиеся о набалдашник трости.

О небе много толкуют, в поисках законной и желанной передышки к нему то и дело обращаются взоры и блуждают в толщах прозрачных пустынь, это факт. И как они потом рады, что могут

вернуться на землю и снова рыскать в потемках и порхать среди живых. Вот до чего мы дошли.

— Все, — сказал Мерсье. — Это меняет все.

Камье вытер окно отворотом рукава, скрюченными пальцами придерживая его за край.

— Это воистину катастрофа, — сказал Мерсье. — Меня это… — Он подумал. — Меня это удручает, — сказал он.

— Видимость нулевая, — сказал Камье.

— Меня удивляет твое спокойствие, — сказал Мерсье. — Ты что, нарочно, пользуясь моим состоянием, вместо приличного скорого поезда сел со мной в этот драндулет?

— Я тебе все убъясню, — сказал Камье. Камье всегда говорил «убъясню». Почти всегда.

— Я не прошу тебя ничего Убъяснять, — сказал Мерсье, — я прошу, чтобы ты ответил на мой вопрос, да или нет.

— Сейчас не время жечь за собой мосты, — сказал Камье, — и загонять лошадей.

— Это признание, — сказал Мерсье. — Так я и знал. Я постыднейшим образом попался на удочку. И я не выбрасываюсь из поезда только потому, что не особо стремлюсь вывихнуть себе лодыжку.

— Я тебе все убъясню, — сказал Камье.

— Ты мне ничего не будешь Убъяснять, — сказал Мерсье. — Ты воспользовался моей слабостью, чтобы внушить мне, будто я сажусь в скорый, а на самом деле… — Его лицо исказилось. Лицо у Мерсье вообще очень легко искажалось. — Мне слов не хватает, — сказал он, — чтобы высказать переполняющие меня чувства.

— Эту уловку, — сказал Камье, — мне подсказало как раз твое расслабленное состояние.

— Объяснись, — сказал Мерсье.

— Учитывая то, в каком ты виде, — сказал Камье, — надо было уезжать, но при этом не уезжать.

— Ты вульгарен, — сказал Мерсье.

— Мы сойдем на следующей станции, — сказал Камье. — Перекусим и договоримся, какой путь избрать. Если решим двигаться вперед, двинемся вперед. Мы потеряли часа два. Ну что такое два часа?

— Не знаю, — сказал Мерсье.

— Если же мы, напротив, решим вернуться в город… — сказал Камье.

— В город? — сказал Мерсье.

— В город, — сказал Камье, — вернемся в город. За нами выбор одного из быстрых и удобных видов транспорта, я, естественно, говорю о трамвае,

автобусе и железной дороге.

— Но мы только что из города, — сказал Мерсье, — а теперь ты говоришь туда вернуться.

— Когда мы покидали город, — сказал Камье, — надо было покидать город. Вот мы его и покинули, и правильно сделали. Но мы не дети. Если необходимость, явив нам свое изменившееся лицо, снова пытается обрушить на нас удар, мы же, надеюсь, не станем упираться.

— Я ощущаю только одну необходимость, — сказал Мерсье, — как можно скорей вырваться из этого ада.

— Здесь все надо взвесить, — сказал Камье. — Никогда не доверяйся ветру, дующему в твои паруса, он всегда несет гибель.

Мерсье сдержался.

— Наконец, — сказал Камье, — поскольку все нужно предвидеть, не исключено, что мы примем героическое решение остаться на месте. В таком случае у меня есть то, что нам нужно.

Деревня, которая представляла собой одну улицу, но, правда, длинную улицу, на которой все выстроилось в один ряд: жилые дома, лавки, бары, две церкви, вокзал, заправочная станция, кладбище и т. д. Бурный поток.

— Возьми плащ, — сказал Камье.

— Вот еще, я не сахарный, — сказал Мерсье.

Они вошли в гостиницу.

— Вы не туда попали, — сказал человек. — Это дом «Кляпп и сыновья», оптовая торговля фрукты — овощи.

— А что заставляет вас думать, — сказал Камье, — что мы не имеем дела с папашей Кляппом или с одним из его отпрысков?

Вышли на улицу.

— А там что, — сказал Камье, — гостиница или рыбный рынок?

На сей раз человек у входа посторонился, виляя всем телом.

— Входите, господа, прошу вас, — сказал он. — Здесь у нас, конечно, не «Савой», но, как бы сказать… — Он смерил их быстрым подозрительным взглядом. — Как бы вам сказать? — повторил он.

— Скажите, — сказал Камье. — Не томите нас.

— Здесь у нас коузи[1], — сказал человек. — Вот именно. Здесь коузи. Вот увидите. Патрик! — вскричал он. И добавил тихо и как бы неуверенно: — Здесь гемютлих[2].

— Он принимает нас за туристов, — сказал

---

[1] Примечания: 1

Cosy — уютный (*англ.*). (*Здесь и далее примеч. ред.)*

[2] Примечания: 2

Gemütlich — удобный (*нем.*).

Мерсье.

— Ах, — потирая руки, сказал человек, — уж я-то разбираюсь в лицах. Не каждый день мне выпадает такая честь… — Он запнулся и продолжил: — Выпадает такая честь. Патрик!

— Я со своей стороны, — сказал Мерсье, — счастлив, что наконец-то познакомился с вами. Ваш образ уже давно витал перед моим мысленным взором.

— О, — сказал человек.

— Да, да, — сказал Мерсье. — Обыкновенно вы видитесь мне на пороге или у окна. За спиной у вас — вихри света и радости, которые, казалось бы, должны были размыть ваши черты. Но нет. Вы улыбаетесь. Скорее всего, вы меня не видите, потому что я на другой стороне улочки, окутанный густой тьмой. Но я тоже улыбаюсь и прохожу своей дорогой. Вас зовут Голл. Видели ли вы меня в своих грезах, господин Голл?

— Снимайте с себя все, — сказал человек.

— Как бы то ни было, я рад, — сказал Мерсье, — увидеться с вами при несравненно более благоприятных обстоятельствах.

— Что именно снимать? — сказал Камье.

— Ну, плащи там, — сказал человек, — шляпы, мало ли. Патрик!

— Да посмотрите вы на нас, — сказал Камье. — разве мы похожи на людей в шляпах? Может, мы незаметно для себя носим перчатки? Надо бы приглядеться.

— Чего вы ждете? Почему никто не несет наверх наши чемоданы? — сказал Мерсье.

— Патрик! — вскричал человек.

— Мщение! Мщение! — сказал Мерсье. Он подошел к человеку. — Вы что, не видите, — сказал он, — что я насквозь промок? Накормите нас.

День был ярмарочный. В зале было полно фермеров, торговцев скотом и приравненных к ним лиц. Сам скот был уже далеко, он, растянувшись цепочкой, брел по грязным дорогам под крики погонщиков. Часть скота возвращалась домой, другая часть шла сама не зная куда. Позади волнисторунных овец на некотором расстоянии громыхали тележки. У погонщиков сквозь ткань карманов торчали стрекала.

Мерсье облокотился на стойку. Камье, напротив, прислонился к ней спиной.

— Они едят, не снимая шляп, — сказал он.

— Где он теперь? — сказал Мерсье.

— Возле дверей, — сказал Камье, — наблюдает за нами, не подавая виду.

— Зубы показывает? — сказал Мерсье.

— Прикрывает рот рукой, — сказал Камье.

— Я не спрашиваю, прикрывает ли он рот, — сказал Мерсье. — Я спрашиваю, показывает ли он зубы.

— Отсюда его зубов не видно, — сказал Камье, — потому что он прикрывает их рукой.

— Что мы здесь делаем? — сказал Мерсье.

— Сначала мы подкрепимся, — сказал Камье. — Бармен, что у вас сегодня есть хорошенького из еды?

У бармена было много чего из еды. Все это он перечислил. Мерсье не слушал.

— Будьте добры, салат из морского ежа, — сказал Мерсье, — с соусом «бугле».

— Не знаю такого, — сказал бармен.

— Тогда сэндвич с плутром, — сказал Мерсье.

— Кончились, — сказал бармен. Он слыхал, что им не надо перечить.

— Не грубите, — сказал Мерсье. Он обернулся к Камье. — Ну и забегаловка! — сказал он. — Разве это путешествие?

В тот миг путешествие Мерсье и Камье выглядело и впрямь не блестяще. Если оно не оборвалось тут же, то благодарить за это следует, скорее всего, Камье: его предприимчивость и душевное величие оказались выше всяких похвал.

— Мерсье, — сказал он, — положись на меня.

— Да сделай же что-нибудь, сделай же что-нибудь, — сказал Мерсье. — Неужели я всегда должен идти первым?

— Позовите хозяина, — сказал Камье.

Бармен, казалось, не очень-то этого хотел.

— Позовите, — сказал Мерсье, — позовите, друг мой, если вас просят. Подайте негромкий сигнал, который он узнает из тысячи и расслышит посреди самой сильной бури. Или чуть кивните головой, так, чтобы было заметно ему одному и чтобы он примчался на этот кивок наперекор любым природным катаклизмам.

Но тот, кого Мерсье называл господином Голлом, был уже рядом с ними.

— Имею ли я честь говорить с владельцем этого заведения? — сказал Камье.

— Если вам нужен управляющий, — сказал управляющий, — то я управляющий.

— Мне сказали, что кончился плутр, — сказал Мерсье. — Хорошо же вы управляете, а еще управляющий. Что у вас с зубами? И это вы называете «гемютлих»?

Управляющий словно бы задумался. Он не любил скандалов. Кончики его седых висячих усов, казалось, вот-вот сойдутся вместе. Бармен смот-

рел на него. Мерсье с изумлением рассматривал редкие седые волосики, тонкие, как у младенца, которые, покорствуя прискорбному кокетству, были с самого затылка тщательно зачесаны вперед. Он еще никогда не видел господина Голла таким, а всегда только улыбчивым и сияющим.

— Ну, полно, — сказал Мерсье, — не будем к этому возвращаться. В конце концов, вполне простительное упущение.

— Нет ли у вас номера, — сказал Камье, — где бы мой друг мог минутку отдохнуть. Он смертельно устал. — Он придвинулся к управляющему и сказал ему что-то на ухо.

— Его мать? — сказал управляющий.

— Моя мать? — сказал Мерсье. — Она умерла, ведьма, как только произвела меня на свет. Не смела глянуть мне в лицо. Что на тебя нашло? — сказал он Камье. — Почему ты не можешь оставить в покое мою семью?

— Номер-то у меня найдется, — сказал управляющий, — только…

— Просто чтобы мой друг мог минутку передохнуть, — сказал Камье. — Он на ногах не держится.

— Давай, старый зануда, — сказал Мерсье, — ты же не можешь отказать мне в этой просьбе.

— Вам это, разумеется, будет стоить как сутки, — сказал управляющий.

— На каком-нибудь из верхних этажей, если можно, — сказал Мерсье, — чтобы при случае я мог, ничего не боясь, выброситься из окна.

— Вы останетесь при нем? — сказал управляющий.

— Разумеется, — сказал Камье. — Пришлите нам в номер что-нибудь подкрепиться. Впрочем, не исключено, что мы заночуем.

— Вряд ли, — сказал Мерсье.

— Патрик! — вскричал управляющий. — Где Патрик? — сказал он бармену.

— Болен, — сказал бармен.

— Как болен? — сказал управляющий. — Я видел его вчера вечером. И мне даже кажется, он мелькнул здесь вот только что.

— Болен, — сказал бармен. — Говорят даже, что он недолго протянет.

— Какая досада, — сказал управляющий. — Что там с ним случилось?

— Не знаю, — сказал бармен.

— А почему мне не сообщили? — сказал управляющий.

— Наверно, думали, что вы в курсе, — сказал бармен.

— А кто сказал, что это так опасно? — сказал управляющий.

— Такой прошел слух, — сказал бармен.

— А где он? — сказал управляющий. — Дома или…

— Да отвяжитесь вы с вашим Патриком, — сказал Мерсье. — Вы меня добить хотите?

— Отведи этих господ наверх, — сказал управляющий. — Возьми у них заказ и живо возвращайся.

— В пятый? — сказал бармен.

— Или в седьмой, — сказал управляющий. — Как будет удобнее господам.

Он посмотрел им вслед. Налил себе и залпом выпил.

— А, здравствуйте, господин Грейвз, — сказал он. — Что вам подать?

— Странные типы, — сказал господин Грейвз.

— Ничего, — сказал управляющий, — я привык.

— А где это вы привыкли? — сказал господин Грейвз низким жирным голосом начинающего пасторального патриарха. — Не с нами же, полагаю.

— Где я привык? — сказал управляющий. Он закрыл глаза, чтобы лучше видеть то, что вопреки

всему было по-прежнему дорого его сердцу. — У моих хозяев, — сказал он.

— Счастлив это слышать, — сказал господин Грейвз. — Всего вам наилучшего.

— До скорого свидания, господин Грейвз, — сказал управляющий.

Его усталый взгляд блуждал по залу, где снималось с места почтенное мужичье. Господин Грейвз подал сигнал к отправке, и они незамедлительно последовали столь весомому примеру.

— Всё, господин Гэст, — сказал бармен.

Господин Гэст не сразу ответил, он был целиком поглощен сценой, которая перед его распахнутыми глазами постепенно заволакивалась дымкой, и на эту дымку все с большей четкостью наплывала маленькая площадь, средневековая и серая, по которой с трудом шагали, увязая в глубоком снегу, укутанные до бровей безмолвные фигуры.

— Они взяли два номера, — сказал бармен.

Господин Гэст обернулся.

— Заказали бутылку виски, — сказал бармен.

— Из еды ничего? — сказал господин Гэст.

— Ничего, — сказал бармен.

— Заплатили? — сказал господин Гэст.

— Да, — сказал бармен.

— Это все, что меня интересует, — сказал гос-

подин Гэст.

— Говорили всякую чушь, — сказал бармен. — Особенно долговязый с бородой. Толстячок еще куда ни шло.

— Не обращай внимания, — сказал господин Гэст.

Он подошел к двери, обменялся последними любезностями с посетителями, которые уже совершенно явно и неотвратимо уходили прочь, сбившись в стадо. Большинство рассаживалось по стареньким «фордам», высоко посаженным на колеса. Другие рассеялись по деревне, на что-то надеясь. Наконец, остальные собирались по двое, по трое и заводили беседу прямо под дождем, который им, похоже, ничуть не мешал. Кто знает, возможно, они были настолько рады дождю по производственным причинам, что им приятно было чувствовать, как он льется прямо на них. Кто разберет эту публику. Скоро они будут далеко, разбредутся по дорогам, которые уже с алчностью размывает меркнущий свет скупого дня. Каждый поспешает в свое маленькое королевство, к своей жене, которая его ждет, к скотине в теплом сарае, к собаке, настораживающей уши, чтобы не пропустить тарахтение хозяйского автомобиля.

Господин Гэст вернулся в зал.

— Отнес им заказ? — сказал он.

— Отнес, — сказал бармен.

— Ничего не сказали? — сказал господин Гэст.

— Только чтобы их не беспокоили, — сказал бармен, — потому что им больше ничего не нужно.

— Где Патрик? — сказал господин Гэст. — Дома или в больнице?

— По-моему, дома, — сказал бармен, — но я не уверен.

— Ты, похоже, мало чего знаешь, — сказал господин Гэст.

— Я занимаюсь своей работой, — сказал бармен. Он глянул господину Гэсту прямо в глаза. — Своими обязанностями и своими правами, — сказал он.

— Правильно делаешь, — сказал господин Гэст. — Этим путем ты и придешь к высшему счастью.

С такими Гэстами и им подобными нет необходимости знать, всегда можно догадаться.

— Если меня будут спрашивать, — сказал господин Гэст, — я вышел и скоро вернусь.

Он вышел и в самом деле скоро вернулся.

— Умер, — сказал он.

Бармен поспешно обтер руки и перекрестился.

— Его последние слова, перед тем как отдать Богу душу, — сказал господин Гэст, — были неразборчивы. Предпоследние, если кому интересно, были: пить, Господи, пить.

— Чем он, собственно, болел? — сказал бармен.

— Мне не удалось узнать, — сказал господин Гэст. — За сколько дней мы ему были должны?

— В субботу он получил, как все, — сказал бармен.

— Тогда и говорить не о чем, — сказал господин Гэст. — Пошлю ему крест.

— Хороший был товарищ, — сказал бармен.

Господин Гэст пожал плечами.

— Где Тереза? — сказал он. — Она что, тоже испустила дух? Тереза! — крикнул он.

— Она в туалете, — сказал бармен.

— Ты хорошо информирован, — сказал господин Гэст.

— Бегу! — прокричала Тереза.

Это была молодая крепкая женщина, под мышкой у нее был поднос, а в руке тряпка.

— Посмотри, какая здесь конюшня, — сказал господин Гэст.

В зал вошел человек. На нем были фуражка, плащ-дождевик, испещренный клапанами и кар-

манами, брюки для верховой езды и альпинистские ботинки. Его еще бодрые плечи сгибались под тяжестью до отказа набитого мешка, а в руке он держал огромную палку. Он пересек зал неуверенной походкой, шумно шаркая по полу подбитыми гвоздями подошвами.

Это один из тех героев, о которых следует рассказать сразу же, потому что в любую минуту они могут исчезнуть и уже никогда больше не появиться.

— Мой паркет, — сказал господин Гэст.

— Воды, воды, — сказал господин Конейр (назовем его сразу).

Господин Гэст и бровью не повел, бармен тоже. Если бы господин Гэст повел бровью, бармен, вероятно, тоже повел бы бровью. Но господин Гэст не повел бровью, и грубиян не повел бровью тоже.

— Сперва воды, — сказал господин Конейр, — а затем море спиртного. Спасибо. Еще. Спасибо. Хватит.

Он уронил мешок, судорожно потянулся плечами и всем туловищем.

— Джину, — сказал он.

Он снял фуражку и яростно стряхнул ее, обрызгав все вокруг. Потом опять нахлобучил ее на свой

остроконечный сияющий череп.

— Господа, — сказал он, — вы видите перед собой человека. Воспользуйтесь этим. Я пришел пешком из самых недр газовой камеры метрополитена, ни единого раза не остановившись, разве только чтобы... — Он оглянулся по сторонам, увидел Терезу (он ее уже видел, но теперь посмотрел на нее со значением, так было надо), перегнулся через стойку и докончил фразу вполголоса. Его глаза перебегали от господина Гэста к Жоржу (бармен теперь будет зваться Жоржем), от Жоржа к господину Гэсту, словно желая убедиться, что слова его произвели ожидаемый эффект. Затем он, выпрямившись, сказал звучным голосом: — Много и часто, много и часто, и помедленней, помедленней, вот мое правило. — Он метнул взгляд на Терезу и издал пронзительный смешок. Ему удалось отпустить шутку в мужской компании. — Кстати, где у вас тут укромное местечко? — сказал он. — Укромное! Какая уж тут укромность!

Господин Гэст описал путь в это местечко.

— Как сложно, — сказал господин Конейр. — Вечно эта омерзительная скрытность во имя приличий. Во Франкфурте, когда выходишь из поезда, что видишь первым делом? Огромную

надпись светящимися буквами: HIER[3].

Это какое-то сумасшествие. В Перпиньяне тоже додумались. Я имею в виду кафе «У почты». Пить.

— Вам сухого? — сказал господин Гэст.

Господин Конейр отступил и приосанился.

— Сколько лет вы мне дадите? — сказал он. Он стащил с головы фуражку. — Маски долой, — сказал он. Медленно повернулся вокруг своей оси. — Ну, — сказал он, — не щадите меня.

Господин Гэст назвал цифру.

— Черт побери, — сказал господин Конейр, — прямо в точку.

— Лысина сбивает с толку, — сказал господин Гэст.

— Ни слова больше, — сказал господин Конейр. — Вы сказали, во дворе?

— В самый конец и налево, — сказал господин Гэст.

— А туда как попасть?

Господин Гэст объяснил еще раз.

— Хорошо, — сказал господин Конейр, — пойду взгляну, как у вас там, а то лопну, чего доброго. — Выходя, он прицепился к Терезе.

---

[3] Примечания: 3
Здесь (*нем.*), вчера (*фр.*).

— Привет, красотка, — сказал он.

Тереза посмотрела на него.

— В чем дело, — сказала она.

— Какая прелесть, — сказал господин Конейр. В дверях он обернулся. — И приветливая, — сказал он. — С ума сойти. — Он вышел.

Господин Гэст и Жорж переглянулись.

— Приготовь грифельную доску, — сказал господин Гэст. Потом он обратился к Терезе: — Ты не можешь вести себя чуть-чуть полюбезнее? — сказал он.

— Он омерзительный старикашка, — сказала Тереза.

— Речь не о том, чтобы стелиться по земле, — сказал господин Гэст. Он стал расхаживать взад и вперед, потом остановился, приняв решение.

— Оставьте все дела, — сказал он, — и соберитесь с мыслями. Я расскажу вам о постояльце, об этом милом и диком зверьке. Жаль, что Патрик не может послушать.

Он вскинул голову, заложил руки за спину и заговорил о постояльце. Тщательно подбирая слова и заботясь о производимом впечатлении, он видел перед собой небольшое окошко, за которым открывался плоский, четкий и пустой пейзаж. Это песчаные равнины, по которым,

насколько хватит взгляда, петляет своими мягкими повторяющимися поворотами узкая дорога, а по обочинам ее нет ни деревца, ни тени. Бледно-серый воздух недвижен. Видно далеко вдаль между небом и землей, как будто сквозь мягкую щель, в которую то тут, то там словно просачивается, не умещаясь, залитый солнцем мир. Похоже на осенний вечер, может быть, начало ноября. Не сразу и распознаешь, что это за небольшая темная масса надвигается так медленно. Это накрытая брезентом повозка, которую везет черная лошадь. Она тащит ее легко и словно гуляючи. Впереди, помахивая кнутом, идет возчик. На нем просторный, тяжелый, светлый плащ, ниспадающий до пят. Возможно, ему весело: он напевает обрывки песен. Время от времени он оборачивается, вероятно, чтобы заглянуть внутрь повозки. Теперь его лицо можно рассмотреть. Он молод на вид, поднимает голову и улыбается.

— На сегодня все, — говорит господин Гэст. — Усвойте хорошенько такой взгляд на вещи. Подумайте над этим во время работы. Это плоды публичного кувыркания и закулисных ухмылок. Дарю их вам. Если меня будут спрашивать, я вышел. Тереза, разбуди меня в шесть, как обычно. — Он вышел.

— В том, что он говорит, есть правда, — сказал Жорж.

— Ах, мужчины, мужчины, — сказала Тереза, — нет у них идеалов.

Вернулся господин Конейр, довольный, что справился так быстро.

— Мне пришлось туго, — сказал он, — но я справился. Джину.

— Туго, — сказал себе Жорж, — но он справился.

— Как здесь холодно, — сказал господин Конейр. — Что вы пьете? Прикладывайтесь, я чувствую, меня опять призывает бездна.

Жорж приложился.

— Ваше здоровье, — сказал он.

— Пейте, пейте, — сказал господин Конейр, — оно заслуживает нашего внимания. А эта очаровательная девица, — сказал он, — не соблаговолит ли она выпить с нами вместе?

— Она замужем, — сказал Жорж, — и мать троих детей.

— Тьфу ты! — воскликнул господин Конейр. — Как у вас язык поворачивается говорить такое!

— Тебя хотят угостить портвейном, — сказал Жорж.

Тереза подошла и присела к стойке.

— Истязания плоти, вот что это такое, — сказал господин Конейр. — Бедная промежность вся клочьями! Вопли! Кровь! Слизь! Плацента! — Он поднес руку к глазам. — Плацента! — простонал он.

— За ваше! — сказала Тереза.

— Пейте, пейте, — сказал господин Конейр, — не обращайте на меня внимания. Какой ужас! Какой ужас!

Он отвел руку и увидел, что они улыбаются ему, как ребенку.

— Простите, — сказал он. — Когда я думаю о женщинах, я думаю о девственницах, это сильнее меня. — Он добавил: — У них тело безволосое, и они никогда не писают и не какают.

— Это вполне естественно, — сказал Жорж.

— Я принял вас за девственницу, — сказал господин Конейр. — Не сочтите за лесть, но я правда принял вас за девственницу. Крепенькая, пожалуй, кругленькая, пышечка такая, грудки ничего себе, попка, ляжки… — Он осекся. — Бесполезно, — сказал он изменившимся голосом. — Сегодня у меня не встанет. Джину.

Тереза вернулась к работе.

— Теперь я перехожу к цели моего посещения, — сказал господин Конейр, явно нисколько не удрученный. — Не знаете ли вы некоего Ка-

мье?

— Нет, — сказал Жорж.

— А между тем он назначил мне встречу именно здесь во второй половине дня, — сказал господин Конейр. — Вот его карточка.

Жорж прочел:

Франсис Ксавье Камье

Расследования и слежка

Тайна гарантируется

— Понятия не имею, — сказал он.

— Невысокий толстячок, — сказал господин Конейр. — Рыжеватый, волосы поредевшие, тройной подбородок, живот грушей, ноги кривые, маленькие поросячьи глазки.

— Там наверху два типа, — сказал Жорж, — они только что приехали.

— Как выглядит второй? — сказал господин Конейр.

— Длинный тощий бородач, — сказал Жорж, — еле на ногах стоит. На вид злющий как черт.

— Это он, это они, — воскликнул господин Конейр. — Идите сообщите ему скорее. Скажите, прибыл господин Конейр и ждет внизу.

— Как вы сказали? — сказал Жорж.

— Ко-нейр, — сказал господин Конейр. — Ко-

нейр.

— Дело в том, что они не велели беспокоить, — сказал Жорж. — Они, знаете ли, с норовом.

— Послушайте, — сказал господин Конейр.

Жорж послушал.

— Хорошо, схожу посмотрю, — сказал он.

— Сходите, сходите, — сказал господин Конейр.

Жорж вышел и через несколько минут вернулся.

— Спят, — сказал он.

— Надо их разбудить, — сказал господин Конейр.

— Бутылка пуста, — сказал Жорж, — а они там…

— Какая бутылка? — сказал господин Конейр.

— Они заказали в номер бутылку «Джей-джей», — сказал Жорж.

— Ну свиньи, — сказал господин Конейр.

— Растянулись одетые прямо на полу, рядышком, — сказал Жорж. — И держатся за руки.

— Ну свиньи, — сказал господин Конейр.

V

Перед ними простиралось поле. На нем ничего не росло, вернее, ничего полезного для людей. Кроме того, не слишком понятно было, какой интерес это поле может представлять для животных. Вероятно, птицы находили здесь дождевых червей. Оно было очень неправильной формы и окружено чахлыми изгородями, состоявшими из старых пней и зарослей колючего кустарника. Осенью здесь бывает, возможно, немного ежевики. Синяя острая трава спорила за землю с лопухами и чертополохом. Эти последние могли в крайнем случае пойти на корм скоту. По ту сторону изгородей другие поля, похожие, окруженные другими, не менее похожими изгородями. Как попасть с одного поля на другое? Вероятно, перемахнуть через изгородь. Какая-то коза капризно интересовалась колючками на кустах. Привстав на задние ноги, а передними опираясь на пень, она выбирала шипы понежнее. Порывисто пятилась, делала несколько неистовых скачков и замирала. Время от времени она подпрыгивала, взвиваясь прямо в воздух. Потом

опять принималась за изгородь. Обойдет ли она таким образом вокруг всего поля? Или раньше устанет?

В конце концов люди поймут. Возведут дома. Или придет священник с кропилом, и здесь будет кладбище. Когда снова начнется процветание.

Камье читал свою записную книжку. Прочитав листок, он его вырывал, комкал и выбрасывал. Вот вам одна страничка в качестве образца:

20.10. Джоли, Лиза, 14, ушла из дома 14-го, в 8, как всегда, в шк. Портфель, с непокр. голов., сандалии на босу ногу, без пальто, синее платье. Тоненькая, белокур., смущ. На уроках не была. Недавн. фотогр. *Родители без гроша.* 25. Ожид. прибавка.

5.11. Гамильтон, Гертруда, 68, мал. рост, крепк. телосл., белокур. вол. Хромает. Русская шляпка. Вуаль. Платье черное. Блестки. Трость эбен. Цианоз. Живет у замужн. доч. Обман. ночн. сиделку не позднее ночи с 29 на 30. Вероятно без гр. Кольца эм. Фот. в 65. Запои, постоянные побеги. Осторожно! После оконч. приступа может вернуться. *Богатая баба.* 100 + расходы.

10.11. Джерард, Джерард, 50, биржев. маклер, 7 дет., хорош. сост. Бурн. темперамент (с ее слов). Посл. 6 мес. уклоняется от супруж. обяз. Ночует

дома. Утр. в Б. Обедает в клубе. Днем в конторе. Ужинает, но. Вечером играет с детьми. Никогда не уход. Спортом не заним. Любит читать! 50–70, как пойдет, + расходы.

N.B. — 12.11. Видел Дж. Дж. Улажено. 80 + конфид. инф.

— Он смотрит, что я делаю, и молчит, — сказал себе Камье. Достал из кармана большой конверт, извлек из него и выбросил следующие предметы: несколько пуговиц, два образчика волос и щетины, вышитый платок, несколько шнурков (в этой области он был специалистом), зубную щетку, кусок резины, подвязку, разные лоскутки. Когда все это было из конверта вытряхнуто, он выбросил и сам конверт. — Все равно что прочищать себе нос, — сказал он себе. — Встал, терзаясь угрызениями совести, которые делали ему честь, и подобрал скомканные листки записной книжки, то есть те из них, которые утренний ветерок не унес далеко, не закинул в ямку или за куст чертополоха. Подобрав листки, он порвал их на мелкие клочки, а клочки выкинул. Он обернулся к Мерсье.

— Ну вот, — сказал он, — стало легче.

— Я вижу дырку у тебя в носке, — сказал Мерсье.

— Стало легче, — сказал Камье. — Фотографии я пока придержу. — Он ощупал карман. — Ты, по крайней мере, не сидишь на мокрой траве? — сказал он.

— Я сижу на моей половинке плаща, — сказал Мерсье. — Мне божественно хорошо.

— Слишком рано распогодилось, — сказал Камье. — Плохая примета.

— А какая погода, вообще говоря? — сказал Мерсье.

— Посмотри сам, — сказал Камье.

— Я бы предпочел услыхать от тебя, — сказал Мерсье. — А потом я тебе скажу, согласен я с тобой или нет.

— На небе, — сказал Камье, — появилось бледное, нежаркое пятно. Должно быть, это солнце. К счастью, оно показывается только временами, по причине измызганных, обтрепанных по краям облаков, дрейфующих с запада прямо перед его лицом. Некоторые из них словно побиты молью. Холодно, но дождя еще нет.

— Сядь на место, — сказал Мерсье. — Ты меньше мерзнешь, чем я, это очевидно, но все-таки воспользуйся тем, что здесь косогор. Не переоценивай своих сил, Камье. Если ты подхватишь воспаление легких, мне тоже будет паршиво.

Камье сел на место.

— Иди ко мне, — сказал Мерсье, — нам будет теплее. Ближе. Теперь делай, как я, подверни край со своей стороны и натяни на ноги. Вот так. Теперь не хватает только крутого яйца и бутылки лимонада.

— Я чувствую, как сырость втекает мне прямо в задницу, — сказал Камье.

— Лишь бы не вытекала, — сказал Мерсье.

— Я вообще-то боюсь за свой цистит, — сказал Камье.

— Чего тебе не хватает, так это чувства меры, — сказал Мерсье.

— Не вижу связи, — сказал Камье.

— Вот-вот, — сказал Мерсье, — ты никогда не видишь связи. Когда ты боишься за свой цистит, думай о свище. А когда дрожишь за свой свищ, поразмышляй немного о шанкрах. Эта система кое-чего стоит в смысле достижения того, что некоторые люди еще называют счастьем. Возьми, к примеру, парня, который ничем не страдает, ни телом, ни вообще. Как ему-то выйти из положения? Очень просто. Пускай думает о небытии. Так в каждой ситуации природа призывает нас улыбаться и даже смеяться.

— Дальше, — сказал Камье.

— Спасибо, — сказал Мерсье. — А теперь рассмотрим спокойно положение вещей.

После минутного молчания на Камье напал хохот. Мерсье тоже в конце концов признал, что это забавно. Итак, они некоторое время смеялись вместе, вцепившись друг другу в плечи, чтобы не рухнуть на землю.

— Какое чистосердечное веселье, — сказал наконец Камье. — Прямо Вовенарг.

— В общем, ты понимаешь, что я хочу сказать, — сказал Мерсье.

— Как ты сегодня себя чувствуешь? — сказал Камье. — Я тебя еще не спрашивал.

— Я чувствую себя немощным, — сказал Мерсье, — но более, чем когда-либо, исполненным решимости. А ты?

— Пока все в порядке, — сказал Камье. — То, что я избавился от всей этой грязи, пошло мне на пользу. Я чувствую облегчение. — Он прислушался. — Я говорю, что чувствую облегчение, — сказал он, но эта фраза решительно оставляла Мерсье равнодушным. — Нет, я бы не сказал, что я в ударе, — сказал Камье. — Например, я был бы не в состоянии еще раз пройти через все, что мне выпало вчера.

— Что именно мы решили? — сказал Мер-

сье. — Помню, что мы о чем-то договорились, как всегда, впрочем, но не помню о чем. Но ты-то должен знать, потому что, в сущности, мы ведь осуществляем твой замысел, не правда ли?

— Некоторые подробности, — сказал Камье, — и у меня тоже слегка позабылись, уж не говоря о некоторых изощренных умствованиях. Скорее я могу тебе сказать, что мы будем делать, а не то, почему мы будем это делать. Или вернее, что мы попытаемся сделать.

— Готов на любые попытки, — сказал Мерсье, — лишь бы знать, какие именно.

— Значит, мы тихо-мирно и без малейшей спешки вернемся в город, — сказал Камье, — и останемся там столько времени, сколько будет нужно.

— Столько времени, сколько будет нужно для чего? — сказал Мерсье.

— Чтобы найти вещи, которые мы потеряли, — сказал Камье, — или чтобы отказаться от этой идеи.

— И впрямь изощренные же нужны были умствования, — сказал Мерсье, — чтобы привести нас к подобному решению.

— Мне сдается, — сказал Камье, — хотя я и не могу это подтвердить, что загвоздка все-

го дела — в рюкзаке. Мы, по-моему, решили, что там лежит или лежала вещь, одна или даже несколько вещей, без которых нам очень трудно обойтись.

— Но мы уже перебрали все, что там лежало, — сказал Мерсье, — и рассудили, что там было только лишнее.

— Этого я не отрицаю, — сказал Камье, — и маловероятно, чтобы наше понятие о лишнем переменилось со вчерашнего утра. Так откуда же происходит наше смущение? Вот вопрос, который нам пришлось перед собой поставить.

— И откуда же оно происходит? — сказал Мерсье.

— Если память мне не изменяет, — сказал Камье, — мы порешили, что оно происходит из интуитивного представления о том, что в рюкзаке содержалась одна или даже не одна вещь, необходимая для нашего спасения.

— Но мы знаем, что это не так, — сказал Мерсье.

— Знаком ли тебе, — сказал Камье, — тот тоненький умоляющий голосок, который подчас взывает к нам из нашего предсуществования?

— Я его все больше и больше путаю, — сказал Мерсье, — с голосом, желающим меня уверить,

что я еще не умер. Но я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Какой-то аналогичный орган, — сказал Камье, — последние двадцать четыре часа нашептывает мне: Рюкзак! Ваш рюкзак! Наше вчерашнее вечернее совещание, во время которого мы сравнили свои впечатления, не оставило ни малейших сомнений на этот счет, если память меня не подводит.

— Ничего такого не помню, — сказал Мерсье.

— А ведь мы установили, — сказал Камье, — необходимость если не найти, то хотя бы поискать наш рюкзак, а из этого неудержимо вытекает остальная часть нашей программы. Потому что поиски рюкзака фатально влекут за собой поиски велосипеда и зонтика.

— Совершенно не понимаю почему, — сказал Мерсье. — Почему не заняться просто рюкзаком, не занимаясь ни велосипедом, ни зонтиком, поскольку речь идет именно о рюкзаке, а не о велосипеде, не о зонтике, не о…

— Понял, понял, — сказал Камье.

— Ну? — сказал Мерсье. — Почему бы нам…

— Не заводи все сначала! — взвыл Камье.

— Ну? — сказал Мерсье.

— Я и сам до конца не понимаю почему, — ска-

зал Камье. — Знаю только, что вчера вечером мы очень хорошо понимали почему. Надеюсь, ты не хочешь опять все поставить под сомнение?

— Когда причины ускользают от моего понимания, — сказал Мерсье, — мне как-то не по себе.

На сей раз только Камье промочил себе штаны. Будем же внимательно следить за Мерсье и Камье, никогда не отставая от них больше чем на лестничный пролет или на толщину стенки. Пускай никакая забота о композиции или о гармонии никогда ни на мгновение не заставит нас от них отвернуться.

— Мерсье не смеется вместе с Камье? — сказал Камье, как только оказался в состоянии заговорить.

— В другой раз, — сказал Мерсье.

— По мне, нам следовало бы рассуждать таким образом, — сказал Камье, — или как-нибудь вроде того. Вещи (рассмотрим наихудшее положение вещей), каковы бы они ни были, коль скоро мы полагаем, что они нам нужны для того, чтобы мы могли продолжать наше путешествие…

— Наше путешествие, — сказал Мерсье. — Какое путешествие?

— Наше путешествие, — сказал Камье, —

с максимальными шансами на успех, так вот, они у нас были, а теперь их больше нет. Мы предполагаем, что они в рюкзаке, потому что рюкзак — вещь, в которой держат другие вещи. Но по зрелом размышлении ничто не мешает нам считать, что они в зонтике или привязаны к одной из частей велосипеда — возможно, веревочкой. Мы знаем лишь, что они были, а теперь их нет. И даже в этом мы совершенно не уверены.

— Если иметь в виду посылки силлогизмов, это посылки.

— Что ты от меня хочешь, — сказал Камье.

— А твой тоненький голосок, шепчущий: рюкзак! рюкзак! — как ты с ним обходишься? — сказал Мерсье.

— Он же заразился невесть чем гораздо раньше, чем дошел до нас, — сказал Камье. — Не глупи, Мерсье. Подумай хоть о миазмах, через которые ему пришлось пробираться.

— Мне сегодня ночью снился странный сон, — сказал Мерсье. — Сейчас он мне вспомнился.

— Итак, — сказал Камье, — речь идет о неизвестных предметах, которые не только совершенно необязательно лежат в рюкзаке, но, возможно, и не влезут ни в один рюкзак на свете, — да хоть

велосипед, например, или зонтик, или оба они. Каким образом мы распознаем истину? По внезапно нахлынувшему блаженству? Не думаю.

— Я был в лесу вместе с бабушкой, — сказал Мерсье. — Я не…

— Это бы меня удивило, — сказал Камье. — Нет, как мне представляется, это постепенное, долгое чувство облегчения, достигающее наивысшего накала недели за две, за три, если все пойдет хорошо, причем мы не знаем точно, чему его приписать. Это радость неведения (к слову сказать, нередкое сочетание), радость обретения утраченного главного блага при неведении его природы. Не подлежит сомнению то, что наше нынешнее и будущее состояние налагает на нас обязанность всеми средствами пытаться вступить во владение нашим изначальным снаряжением, прежде чем взмывать ввысь. Быть может, мы потерпим неудачу. Но мы исполним свой долг. Вот, на мой взгляд, более или менее те аргументы, которые нам следовало пустить в ход. Они воистину неотразимы.

— Она несла в руках свои груди, — сказал Мерсье, — держала их за соски, зажав большими и указательными пальцами. Но я не…

Камье вспылил, то есть притворился, будто

вспылил, потому что на Мерсье он был не способен вспылить по-настоящему. Мерсье так и остался с приоткрытым ртом. В растрепанной седой бороде блестели капли, взявшиеся непонятно откуда. Немного выше бороды пальцы перебегали на огромный костлявый нос, туго обтянутый красной кожей, украдкой залезали в большие черные дыры, растопыривались, следуя впадинам щек, и опять принимались за свое. Бледно-серые глаза пристально смотрели вперед с подобием ужаса. Широкий и низкий лоб, прочерченный глубокими морщинами в форме крыльев, морщинами, что были обязаны своим происхождением не столько раздумьям, сколько тому хроническому удивлению, которое сначала поднимает брови, а потом раскрывает глаза, — этот лоб представлял собой все-таки наименее гротескную часть его лица. Он был увенчан неправдоподобно спутанной гривой сальных волос, в которых были представлены все оттенки цвета, от белобрысого до седого. Об ушах говорить не будем.

Мерсье вяло защищался.

— Ты просишь у меня убъяснений, — сказал Камье. — Я тебе их предоставляю. Ты не слушаешь.

— А мне вспомнился сон, — сказал Мерсье.

— Да, — сказал Камье, — вместо того чтобы слушать, ты так и норовишь рассказать мне свой сон. А ведь для тебя не секрет то, о чем мы договорились: никаких рассказов о снах, ни под каким предлогом. Аналогичное соглашение запрещает нам приводить цитаты.

— Lo bello stilo che m'ha fatto onore[4], — сказал Мерсье, — это цитата?

— Lo bello что? — сказал Камье.

— Lo bello stilo che m'ha fatto onore, — сказал Мерсье.

— Откуда мне знать? — сказал Камье. — Очень похоже. А что?

— Со вчерашнего дня слова жужжат у меня в голове, — сказал Мерсье, — и губы обжигают.

— Мне на тебя смотреть противно, Мерсье, — сказал Камье. — Мы принимаем определенные меры предосторожности, чтобы нам стало как можно лучше, чтобы не стало как нельзя хуже, и это совершенно все равно что мчаться вперед вслепую, глядя себе под ноги. — Он встал. — Ты в состоянии шевелиться? — сказал он.

— Нет, — сказал Мерсье.

---

[4] Примечания: 4

«Лишь ты один в наследье мне вручил / Прекрасный слог, везде превозносимый» (Данте Алигьери. Божественная комедия. Пер. М. Лозинского).

— Все ясно, — сказал Камье. — Пойду поищу тебе чего-нибудь поесть.

— Топай, — сказал Мерсье.

Короткие кривые ножки быстро донесли его до деревни. Плечи плясали, руки ходили взад-вперед мимо груди, прямо комедия. Мерсье, оставшийся под сенью косогора, вновь не знал, по какой стороне из имевшихся двух ему спускаться. Потому что они сходились вместе. В конце концов он себе сказал: я — Мерсье, одинокий, больной, в холоде, в сырости, старый, полубезумный, вляпавшийся в безвыходную историю. Мгновение он ностальгически смотрел на это мерзкое небо, на кошмарную землю. В твои годы, сказал он. И так далее. Тоже комедия. Так какая разница.

— Я уже отчаялся и хотел уходить, — сказал господин Конейр.

— Жорж, — сказал Камье, — мне пять сэндвичей, четыре завернуть, а один отдельно. Видите, — сказал он, любезно повернувшись к господину Конейру, — я обо всем подумал. Тот, который я съем здесь, придаст мне сил, чтобы донести остальные четыре.

— Начетничество, — сказал господин Конейр. — Вы уносите свои пять сэндвичей завернутыми,

внезапно ощущаете упадок сил, разворачиваете пакет, вынимаете один сэндвич, съедаете его, восстанавливаете свои силы и идете дальше с четырьмя остальными.

— На это я вам отвечу просто, — сказал Камье, — я предложу вам вмешиваться в то, что вас касается, а я собираюсь выпить пинту крепкого портера, что натощак не делается. Я не говорю, что я это сделаю, я говорю, что я это, может быть, сделаю. Следовательно, я вынужден съесть один сэндвич немедленно. — Он откусил кусок. — Хотите? — сказал он.

— Вы о нем заботитесь, — сказал господин Конейр. — Вчера пирожные, сегодня сэндвичи, завтра черствый хлеб, а в четверг камни.

— Горчицы, — сказал Камье.

— Прежде чем покинуть меня вчера, — сказал господин Конейр, — ради вашего жизненно важного дела, вы назначили мне встречу в этом самом месте в полдень. Я приезжаю, спросите у Жоржа, в каком состоянии, с моей обычной пунктуальностью. Жду. Скажете, я привык. Возможно. Меня начали одолевать сомнения. Не перепутал ли я место? День? Я во всем признаюсь бармену. Узнаю, что вы где-то наверху, с вашим бароном, причем уже довольно дав-

но, и оба погружены в гнусное бесчувствие. Я прошу, чтобы вас разбудили, давая понять, насколько срочно мое дело. Но нет. Вас нельзя беспокоить ни под каким предлогом. Вы завлекаете меня в этот дом, якобы для того, чтобы нам потолковать спокойно, а едва появившись, вы принимаете меры, чтобы помешать мне с вами увидеться. Мне дают добрые советы. Подождите, они скоро спустятся. Проявляю слабость, жду. Вы спускаетесь? Какое там! Я возобновляю свои попытки. Разбудите его, скажите, что господин Конейр ждет внизу. Ни хрена. Желания постояльца священны — вот какие возражения мне выставляют. Я угрожаю, мне смеются в лицо. Я действую по-другому. Силой. Мне преграждают путь. Хитростью, улучив момент рассеянности, проскользнуть на лестницу. Меня настигают. Я умоляю, а им хоть бы что. Подбивают меня выпить, остаться пообедать, переночевать. Я увижу вас завтра. Мне дадут знать, как только вы спуститесь вниз. Зал наполняется народом. Чернорабочие, несколько проезжих. Я попадаю в водоворот. Просыпаюсь на кушетке. Семь часов. Вы ушли. Почему меня не предупредили? Никто не знал. В каком часу они ушли? Никто не знает. Вернутся они? Никто не знает.

Камье поднял воображаемую пивную кружку, это было видно по его скрюченным пальцам. Настоящую же кружку он медленно опорожнил не отрываясь. Заплатил, взял сверток и пошел к дверям. В дверях остановился.

— Господин Конейр, — сказал он, — примите мои извинения. Вчера в какой-то момент я много о вас думал. Потом я перестал о вас думать, ну совершенно, ни секунды. Как будто вас никогда не было, господин Конейр. Нет, я ошибся, как будто вы были, но исчезли. Не усмотрите в моих словах, господин Конейр, ничего дурного. Я не хочу вас оскорбить, господин Конейр. Просто я понял или, вернее, решил, что с моей работой покончено, я хочу сказать, с той моей работой, о которой все знают, и что я был не прав, полагая, будто вы можете присоединиться к нам, пускай даже на день-другой. Еще раз позвольте перед вами извиниться, господин Конейр, и прощайте.

— А моя сука! — возопил господин Конейр.

— Вы ее знаете, — сказал Камье. — Вам ее не хватает. Вы бы заплатили деньги, и немалые, за то, чтобы она нашлась. Цените свое счастье. — И он вышел.

Господин Конейр чуть не бросился за ним. Но он уже некоторое время сдерживался и, в сущ-

ности, обрадовался, что разговор пришел к концу. Вернувшись со двора, он бросил взгляд на улицу. Потом вернулся в зал, и там на него навалилась такая тоска, что он опять принялся за джин.

— Моя сука, — стонал он.

— Ладно, ладно, — сказал Жорж, — вам найдут другую.

— Маркиза! — стонал господин Конейр. — Она улыбалась!

Итак, и от этого отделались, если ничего не случится.

Господина Гэста было не видать, и не случайно, потому что он искал в роще подснежники для Патрика. Нет худа без добра.

Терезы тоже было не видать, и никто не пожалел о том, что ее не видать.

С остальными надо было потерпеть.

Мерсье совершенно не хотел есть. Но Камье его заставил.

— Ты весь зеленый, — сказал Камье.

— Кажется, меня сейчас стошнит, — сказал Мерсье.

Он не ошибся. Камье его поддержал.

— Тебе полегчает, — сказал Камье.

И правда, мало-помалу Мерсье почувствовал себя лучше — то есть лучше, чем до того, как его

стошнило.

— Когда ты ушел, — сказал он, — меня одолевали такие печальные мысли. Я не знал, вернешься ты или нет.

— Я же оставил тебе плащ, — сказал Камье.

— Я понимаю, что это было бы только справедливо, — сказал Мерсье. Он немного подумал. — Чтобы не бросить Мерсье, надо быть Камье.

— Идти можешь? — сказал Камье.

— Я пойду, не бойся, — сказал Мерсье. Он встал и сделал несколько шагов. — Смотри, как я хорошо хожу, — сказал он.

— Может, бросим плащ? — сказал Камье. — Зачем он нужен?

— Он замедляет воздействие дождя, — сказал Мерсье.

— Это саван, — сказал Камье.

— Не будем ничего преувеличивать, — сказал Мерсье.

— Хочешь, я скажу тебе все, что думаю по этому поводу? — сказал Камье. — Тому, кто его носит, физически и морально так же неловко, как тому, кто его не носит.

— В том, что ты говоришь, есть правда, — сказал Мерсье.

Они посмотрели на плащ. Он распростерся

там, где начиналась насыпь. Вид у него был ободранный. К плечам прилипли чарующе блеклые клочья клетчатой подкладки. Участками более светлого желтого цвета были отмечены те места, которых еще не пропитала сырость.

— Может, я скажу ему пару слов? — сказал Мерсье.

— Успеется, — сказал Камье.

Мерсье подумал.

— Прощай, старенький габардин, — сказал он.

И опять замолчал. Камье сказал:

— Это и была пара слов?

— Да, — сказал Мерсье.

— Пошли отсюда, — сказал Камье.

— А его мы что, не выбросим? — сказал Мерсье.

— Оставим его здесь, — сказал Камье. — Зачем себя утруждать.

— А я хотел его выкинуть, — сказал Мерсье.

— Мы оставим его здесь, — сказал Камье. — Постепенно изгладятся следы наших тел. Под лучами солнца он свернется, как опавший лист.

— А если его похоронить? — сказал Мерсье.

— К чему разводить сантименты, — сказал Камье.

— Просто чтобы его не взял посторонний, —

сказал Мерсье, — вшивый какой-нибудь.

— Разве нас от этого убудет? — сказал Камье.

— Нет, конечно, — сказал Мерсье, — и все-таки.

— Я ухожу, — сказал Камье.

Он зашагал прочь. Вскоре к нему присоединился Мерсье.

— Можешь на меня опереться, — сказал Камье.

— Потом, потом, — с раздражением сказал Мерсье.

— В чем дело, почему ты все время оглядываешься? — сказал Камье.

— Он шевельнулся, — сказал Мерсье.

— Кто? — сказал Камье. — А, понял. Он машет нам платком.

— Мы хотя бы ничего не оставили в карманах? — сказал Мерсье.

— Всякие-разные использованные билеты, — сказал Камье, — горелые спички, обрывки газет с истершимися следами неотменимых свиданий на полях, заветный огрызок сточенного на девять десятых карандаша, несколько клочков замусоленной бумаги для подтирки, несколько сомнительной надежности презервативов, ну и пыль. Вся жизнь, чего уж там.

— Ничего нужного? — сказал Мерсье.

— Я же тебе говорю, вся жизнь, — сказал Камье.

Некоторое время они шагали молча, как это с ними иногда случалось.

— Если понадобится, кинем на это дней десять, — сказал Камье.

— Не воспользуемся транспортом? — сказал Мерсье.

— То, что мы ищем, не обязательно находится на другом конце острова, — сказал Камье. — Поэтому пускай нашим девизом станет…

— То, что мы ищем, — сказал Мерсье.

— Мы путешествуем не просто ради того, чтобы путешествовать, насколько я понимаю, — сказал Камье. — Мы идиоты, но не настолько. — Он с любопытством уставился на Мерсье. — Ты вроде как запыхался, — сказал он. — Если хочешь что-то сказать, валяй.

— Я и правда хотел что-то сказать, — сказал Мерсье. — Но по размышлении приберегу это про себя.

— Не желудок, надеюсь? — сказал Камье.

— Продолжай, — сказал Мерсье.

— На чем я остановился? — сказал Камье.

— Пускай нашим девизом станет, — сказал Мерсье.

— Ах да, — сказал Камье. — Пускай нашим девизом станет неспешность и осмотрительность, с резкими поворотами направо и налево и внезапными возвращениями назад в согласии со смутными уколами интуиции. Кроме того, ничего страшного, если нам придется делать остановки на целые дни и даже недели. У нас вся жизнь впереди, во всяком случае, весь остаток.

— Какая сейчас погода? — сказал Мерсье.

— За кого ты меня принимаешь? — сказал Камье. — За гадалку?

— Я в полном равновесии, — сказал Мерсье.

— Погода такая же, как всегда, — сказал Камье, — с той только разницей, что мы начинаем к ней привыкать.

— Мне показалось, что на мое лицо упали капли дождя.

— Мужайся, — сказал Камье, — скоро привал окаянных душ. Я вижу колокольню.

— Хорошо, — сказал Мерсье. — мы сможем передохнуть.

VI

Краткое изложение двух предыдущих глав

IV

Поезд.
Вставка о Мэддене, 1.
Омнибус.
Вставка о Мэддене, конец.
Деревня.
Гостиница.
Господин Гэст.
Скот на дорогах.
Фермеры.
Сон Мерсье.
Путешествие под угрозой срыва.
Хладнокровие Камье.
Болезнь Патрика.
Мерсье и Камье идут наверх.
Господин Грейвз.
Разъезд фермеров.
Смерть Патрика.
Его предпоследние слова.
Вставка о Конейре, 1.

Господин Гэст говорит о постояльце.
Видение господина Гэста.
Вставка о Конейре, 2.
Мерсье и Камье спят.

V

На другой день.
Поле.
Коза.
Рассвет.
Смех Мерсье и Камье.
Совещание (и смех одного Камье, и лицо Мерсье).
Сон Мерсье.
Уход Камье.
Мерсье один.
Гостиница.
Вставка о Конейре, конец.
Подснежники.
Мерсье ест.
Рвота Мерсье.
Плащ.
Они уходят.
Колокольня окаянных душ.

VII

И наконец в один прекрасный день возник город, сперва предместья, потом центр. Они потеряли представление о времени, но вид улиц, людей и звуки, которыми полнился воздух, — все твердило им о еженедельном отдыхе. Вечерело. Они немного покружили по центру, не зная, куда податься. В конце концов по предложению Мерсье (была его очередь руководить) они отправились к Элен. Она была в постели, ей немного нездоровилось. Все же она встала и впустила их, хотя сперва покричала через дверь: «Кто там?» Они посвятили ее в свои разочарования и надежды. Рассказали ей историю бычка, который их прогнал. Она ушла и вернулась с зонтиком. Камье стал испытывать его в деле. «Но он прекрасно открывается и закрывается, — сказал он, — просто-таки превосходно». «Я его починила», — сказала Элен. «Прямо лучше, чем раньше», — сказал Камье. «Может быть», — сказала Элен. «Открывается мягко, — сказал Камье, — а когда я нажимаю на кнопку, тык, — и он сам складывается. Открываю, закрываю,

раз и два, раз и два, тык! пык! тык!» «Хватит, — сказал Мерсье, — ты его опять сломаешь». «Мне немного нездоровится», — сказала Элен. «Это счастливое предзнаменование», — сказал Камье. Однако рюкзака там не было. «Не вижу попугая», — сказал Мерсье. «Я отпустила его на волю», — сказала Элен. Ночь прошла спокойно, без малейшего разврата. На другой день они никуда не пошли. Время тянулось медленно, они немного потрогали друг друга, но так, чтобы не устать. Перед жарким камином, в смешанном свете лампы и свинцового дня, они потихоньку извивались на ковре, переплетясь обнаженными телами, томно касаясь друг друга движениями, какими девушки расставляют в вазах цветы, а дождь тем временем барабанил по стеклам. Какое это небось было удовольствие! К вечеру Элен заказала несколько бутылок доброго вина, и они надрались до полного блаженства. Менее стойкие мужчины могли бы уступить соблазну и остаться. Но вечер следующего дня вновь застал их на улице, рвущимися к намеченной цели. До ночи им оставалось всего несколько часов сумрачного дня, предночье. Надо было торопиться. Однако темнота, неполная лишь по вине уличных фонарей, в конечном счете не могла

помешать им в поисках. Напротив, она могла бы послужить им лишь бесценным подспорьем. Ибо в квартал, в который они собирались и подступы к которому были им плохо известны, легче было попасть ночью, чем днем, поскольку в тот единственный раз, когда они там побывали, был не день, а ночь или почти ночь. Итак, они вошли в какой-то бар, поскольку дожидаться ночи в баре было для Мерсье и Камье наименее неприятно. Кстати, у них была на то еще одна, менее серьезная причина, а именно интерес, в том числе и чисто интеллектуальный, к возможно более полному погружению в атмосферу, подобную той, что повергла их в такую неуверенность в их первый приход. Этим они и занялись, больше уже не мешкая. «Слишком многое поставлено на карту, — сказал Камье, — так что мы не можем пренебрегать предосторожностями». Так одним выстрелом они убили двух зайцев и даже трех. Потому что передышкой они воспользовались для того, чтобы с огромной для себя пользой посудачить о том о сем. Потому что на всей планете свободнее всего такие, как Мерсье и Камье, беседуют именно в барах. Мало-помалу в сознании у них сильно прояснилось. Вернее, туда потоком хлынули такие соображения:

1. Безденежье — зло. Но оно может обернуться благом.

2. Что потеряно, то потеряно.

3. Велосипед — большое благо. Но если его неправильно использовать, он становится опасен.

4. Сидение на мели наводит на мысли.

5. Бывают две потребности: в том, что у вас есть, и в том, чего у вас нет.

6. Интуиция толкает на безрассудства.

7. То, что извергается из души, никогда не бывает потеряно.

8. Когда чувствуешь, что в карманах у тебя с каждым днем тают последние средства, рушится самая стойкая решимость.

9. Мужские штаны погрязли в рутине, особенно гульфик, который следовало бы перенести в промежность и придать ему форму подвесного кармашка, благодаря чему, независимо от низменных мочеиспускательных проблем, мошонка могла бы спокойно дышать свежим воздухом, оставаясь вне досягаемости для любопытных. Естественно, кальсоны следовало бы исправить в том же направлении.

10. Вопреки распространенному мнению, есть места в природе, где Бога как бы нет.

11. Что бы мы делали без женщин? Изменили бы привычки.

12. В душе четыре буквы, но полтора или даже чуть не целых два слога.

13. Что можно сказать о жизни такого, что бы не было уже сказано? Очень многое. Например, что ее вечно заносит черт-те куда.

Они ни на секунду не выпускали из виду намеченной цели. По мере того как шло время, им все больше казалось, что стремиться к этой цели надо спокойно и не теряя головы. И, будучи еще достаточно спокойными для того, чтобы знать, что спокойствие они уже утратили, они приняли удачное решение отложить все действия на завтра, а если понадобится, то и на послезавтра. Итак, они в превосходном расположении духа вернулись в квартиру к Элен и без малейших церемоний уснули. И на другой день они даже отказались от милого времяпрепровождения, столь уместного дождливым утром, так хотелось им свежими и бодрыми выйти навстречу грядущим испытаниям.

Часы били полдень, когда они вышли из дома. Под аркой они остановились.

— Какая славная радуга, — сказал Камье.

— Зонтик, — сказал Мерсье.

Они переглянулись. Камье вернулся на лестницу. Когда он вышел с зонтиком, Мерсье сказал:

— Как ты долго.

— Ну, знаешь, — сказал Камье, — раз на раз не приходится. Раскрыть?

Мерсье долго смотрел на небо.

— А как ты сам думаешь? — сказал он.

Камье вышел на улицу и подверг небо тщательному осмотру, поочередно поворачиваясь на север, восток, юг и запад.

— Ну? — сказал Мерсье.

— Погоди-погоди, — сказал Камье. Он вышел на середину мостовой, желая свести к минимуму возможность ошибки. Наконец он вернулся под арку.

— На нашем месте, — сказал он, — я бы не раскрывал.

— А собственно, почему? — сказал Мерсье. — Как мне представляется, дождь зарядил надолго. Ты даже весь вымок.

— По-твоему, надо раскрыть? — сказал Камье.

— Я этого не говорю, — сказал Мерсье. — Я только не понимаю, когда же мы его раскроем, если теперь мы его раскрывать не будем.

Пожалуй, его следовало рассматривать скорее не как зонтик от дождя, а как зонтик от солнца.

В состоянии покоя расстояние между наконечником самого зонта и концами спиц составляло немногим больше четверти от общей длины. Рукоятка заканчивалась янтарным шаром с шишечками. Ткань была, вернее, когда-то была красного цвета, хотя местами этот цвет сохранился и поныне. По периметру еще уцелели нерегулярно повторявшиеся участочки бахромы.

— Посмотри на него хорошенько, — сказал Камье. — Нет, ты посмотри. Да возьми его, он тебя не укусит.

— Назад! — крикнул Мерсье.

— Откуда он вообще взялся? — сказал Камье.

— Я купил его у Хана, — сказал Мерсье, — зная, что у нас один плащ на двоих. Он заломил шиллинг, и я получил свое за девять пенсов. Он чуть не накинулся на меня с поцелуями.

— Должно быть, начинал этот зонтик в преддверии девятисотых, — сказал Камье. — По-моему, это был год Ледисмит, на Клипе. Помнишь? Великолепное время. Что ни день — праздник в саду. Будущее представлялось лучезарным. Можно было надеяться буквально на все. Люди играли в осажденных. Мерли как мухи. От голода. От жажды. Бах! Бах! Последние патроны. Сдавайтесь! Никогда! Люди ели трупы. Пили

собственную мочу. Бах! Бах! Еще двоих потеряли. Крик с вышки. На горизонте пыль! Движется колонна! Языки почернели. Все равно ура! Ра! Ра! Не воронье ли кружит? Артиллерийский сержант умирает от радости. Мы спасены. Веку было два месяца.

— А посмотри на него теперь, — сказал Мерсье.

— Как ты себя чувствуешь? — сказал Камье. — Все время забываю спросить.

— Когда спускался по лестнице, чувствовал себя хорошо, — сказал Мерсье. — Теперь похуже. Пучит, если хочешь знать, но не так, чтобы лопнуть. А ты?

— Пробка, — сказал Камье, — посреди бушующего океана.

— Самое время нанести удар, — сказал Мерсье.

— Что до этого портативного убежища, — сказал Камье, — полагаю, что лучше приберечь его для самых жарких дней. Солнце мечет свои жгучие лучи с беспощадно синего неба. А у нас — ни одной шляпы.

— С тем же успехом можно его немедленно выбросить, — сказал Мерсье.

— Я с удовольствием, — сказал Камье.

— Мы будем лежать врастяжку в тени тисов, — сказал Мерсье, — с утра до вечера.

— Каких тисов? — сказал Камье.

— Не важно каких, — сказал Мерсье.

— А если не будет тисов? — сказал Камье.

— Уж найдем как-нибудь, — сказал Мерсье.

— В этой злосчастной стране, — сказал Камье, — есть целые департаменты, где не то что тисы, ни одно деревце не растет, вообще ни одно, и самые дерзновенные кусты в высоту не больше метра.

— В знойное время года мы будем избегать этих мест, — сказал Мерсье.

— У тебя на все найдется ответ, — сказал Камье.

— Это разве ответы, — сказал Мерсье.

— Так что, выбрасываем? — сказал Камье.

— Мы в сомнениях, — сказал Мерсье.

— Мы в сомнениях, выбрасывать или нет, — сказал Камье. — Какие у нас доводы?

— Я вижу два, — сказал Мерсье. — Но насколько они основательны? Вот что надо решить.

— Я нам скажу, — сказал Камье, — когда я их узнаю.

— От солнца или не от солнца, — сказал Мерсье, — на какое-то время он может защитить нас от дождя. Я хочу сказать, с ним мы какое-то время, возможно, будем не такие мокрые,

как без него.

— А другой? — сказал Камье.

— Другой что? — сказал Мерсье.

— Другой довод, — сказал Камье.

— В том-то и дело, — сказал Мерсье. — Его ухватить, наверно, немного сложнее.

— Ухватим, — сказал Камье.

— Смеем ли мы хладнокровно выбросить вещь, — сказал Мерсье, — которая потом может оказаться именно той вещью, которая нам нужна, той, потеря которой остановила наш стремительный натиск и заставила вернуться назад, поджав хвосты?

— Мы никогда его не выбросим, — сказал Камье.

— Не говори так, — сказал Мерсье. — Но быть может, настанет время его выбросить, когда он, износившись, уже не сможет больше служить нам укрытием или когда у нас появится уверенность, что между ним и нашим нынешним отчаянным положением нет ни малейшей связи.

— Очень хорошо, — сказал Камье. — Но недостаточно знать, что мы его не выбросим, надо знать также, следует ли его раскрывать.

— Но ведь отчасти мы не выбрасываем его именно для того, чтобы раскрывать, — сказал

Мерсье.

— Знаю-знаю, — сказал Камье. — Но надо ли его раскрывать прямо сейчас или подождать, пока погода определится?

Мерсье впился взглядом в непроницаемые небеса.

— Глянь, — сказал он. — Скажи, что ты об этом думаешь.

Камье вышел на улицу. Он даже дошел до угла, так что Мерсье потерял его из виду. Вернувшись, он сказал:

— Среди облачности, пожалуй, есть просветы. Хочешь, я влезу на крышу?

Мерсье сосредоточился. Наконец он сказал, поддавшись порыву:

— Раскроем его, а там как Бог даст.

Но Камье не мог раскрыть зонтик.

— Дай, — сказал Мерсье.

Но Мерсье справился не лучше. Он потряс зонтом. Но вовремя взял себя в руки. Как в пословице.

— Чем мы провинились перед Господом? — сказал он.

— Мы его отрицали, — сказал Камье.

— Ты меня не убедишь в том, что он до такой степени злопамятный, — сказал Мерсье.

— Покажу его Элен, — сказал Камье. — Она нам его наладит в два счета. — Он взял зонтик и исчез в парадной. Когда он вернулся, Мерсье сказал:

— Это ты называешь в два счета?

— Второй раз всегда выходит дольше, — сказал Камье.

— Зонтик? — сказал Мерсье.

— Ей там работы на полчаса, — сказал Камье, — а мы не можем терять время.

— Значит, нам придется за ним вернуться, — сказал Мерсье.

— Мы бы и так… — сказал Камье.

— Ничего не и так, — сказал Мерсье. — Я хочу, чтобы мы отсюда убрались до ночи.

— Куда? — сказал Камье.

— Подальше, — сказал Мерсье.

— Ну и? — сказал Камье.

— Одно из двух, — сказал Мерсье.

— Увы! — сказал Камье.

— Или мы дождемся, пока он будет готов, — сказал Мерсье, — или…

— Но я ей сказал, что это не срочно, — сказал Камье, — что у нее есть время до завтра.

— Или один из нас останется здесь, — сказал Мерсье, — пока зонтик не будет готов, а другой займется рюкзаком и велосипедом. Это позволит

нам выиграть время. А встретимся в условленном месте, надо только договориться когда.

Самое забавное, что они продолжали называть это зонтиком.

— Но она не может сразу, — сказал Камье.

— Вот мы как сделаем, — сказал Мерсье, — чтобы все выглядело безукоризненно. Ты объяснишь Элен, как обстоят дела. Попросишь ее починить зонтик сразу. Она или согласится, или нет, не так ли?

— Не согласится, — сказал Камье.

— Если она не согласится, — сказал Мерсье, — ты возьмешь зонтик как есть и спустишься вниз. Я буду здесь, и мы уйдем вместе. Если она, наоборот, согласится, подождешь, пока работа будет сделана, и встретишься со мной там и тогда, где и когда я скажу или где и когда ты скажешь, это совершенно все равно.

— А может, ты останешься, — сказал Камье, — а я пойду? Я привык к розыскам.

— То, что ты говоришь, разумно, — сказал Мерсье. — Но сделай мне одолжение. Так приятно время от времени выходить из привычной роли.

— Так где и когда? — сказал Камье.

Как все это прискорбно.

Как только Мерсье остался один, он ушел.

В какой-то момент его путь пересек старик с наружностью эксцентричной и жалкой, несший под мышкой нечто вроде согнутой пополам планшетки. Мерсье показалось, что он уже видел его где-то, и, продолжая путь, он ломал себе голову, где же он мог его видеть. И старику, от которого удивительнейшим образом не укрылось, что мимо шел Мерсье, тоже почудилось, что он уже видел это гротескное существо, и некоторое время ушло у него на то, чтобы припомнить, при каких обстоятельствах. Так они понапрасну думали друг о друге, пока расстояние между ними неспешно увеличивалось. Но таких, как Мерсье, остановит всякая мелочь, шепоток, что взлетает, ширится, растворяется в воздухе, голос, твердящий о том, какая это странная штука — осень дня, в любое время года. Все начинается заново, но сердце тут как будто ни при чем, да и при чем оно может быть? Это особенно чувствуется в городе, но в деревне это чувствуется тоже, там, где коровы и птицы. Сквозь огромные пустые пространства медленно бредут крестьяне, и непонятно, как они сумеют вернуться домой к ночи, на ферму, которой не видно, в деревню, которой не видно. Уже не хватает времени, да и Бог его знает, осталось ли оно вообще. Даже в цветах

чувствуется некоторая замкнутость, и крылья охватывает какое-то смятение. Ястреб по-прежнему срывается вниз слишком рано, воронье среди бела дня взлетает над нивой и спешит в место сбора, где будет теперь каркать и браниться до ночи. В этот миг крикунов обуревают робкие поползновения улететь прочь, но слишком поздно. Это факт, день кончается намного раньше своего конца, и люди падают с ног от усталости гораздо раньше, чем наступает час отдохновения. Но ни слова, последние часы дня полны лихорадки, люди мечутся направо и налево, и ничего не делается. Опасный час — надо дать ему пройти, потому что пока никакой опасности нет, а потом мы останемся безоружными. Люди ходят по улице, окруженные катастрофами, которые вершатся прямо сейчас. Слишком короткое, чтобы начать, слишком долгое все-таки, чтобы не начинать вообще, вот их время, клетка, в которой часы сидят, как Ля Балю. Спросите у прохожего, который час, он скажет вам что попало, на глазок, через плечо, уходя. Но не волнуйтесь, он не намного ошибся, он же смотрит на часы каждые пятнадцать минут, подводит их по городским астрономическим часам, прикидывает, рассчитывает, как бы ему сделать все, что он должен сделать, до конца

бесконечного дня. Или яростным и усталым жестом выражает терзающее его странное ощущение, что есть время, соединяющее красоты опоздания с очарованием преждевременности, что оно, это время Безвременья, всегда было и всегда будет, и нет больше ничего, даже вороны и те улетели! Впрочем, так оно и бывает целый день, с первого тика до последнего така или, скажем, с третьего до предпредпоследнего, поскольку грудному тамтаму все-таки требуется некоторое время, чтобы призвать нас ко сну, да и на то, чтобы, нас спровадить, тоже время нужно. Но других-то слышно, каждое просяное зернышко слышно, и обнаруживаешь себя с каждым разом немного ближе, всю жизнь все ближе и ближе. Радость — ложечками для соли, как воду полностью обезвоженным людям, и славную маленькую агонию в гомеопатических дозах, чего вам еще надо? Сердце вместо сердца? Ну-ну. Но попросите прохожего, наоборот, показать вам дорогу, и он возьмет вас за руку и с радостной готовностью поведет множеством восхитительных дорог, поворот за поворотом. Это большое серое строение — оно не завершено, оно никогда не будет завершено, в нем две двери, одна для входящих, другая для выходящих, а из окон

смотрят лица. Вам только надо ничего не просить.

Рука Мерсье выпустила прут решетки, к которой его пригвоздили эти храбро претерпеваемые отсылки к минувшим, как говорится, эпохам. Да, он храбро их претерпевал, зная, что в конце они завершатся медленным падением в сторону шепота, а потом тишины, той тишины, которая тоже шепот, но невнятный. Закрывается дверь, или люк, в каменном мешке все те же пересуды, а в тюрьме как таковой воцарилась тишина. Но путь его не замедлил пересечься с путем косматого и оборванного старика, который шагал рядом с ослом. Осел был без узды и скучными и бодрыми шажками трусил вдоль поребрика, отрываясь от него, только чтобы обогнуть стоящую машину или играющих в шарики мальчишек, присевших на корточки в ручейке. Осел тащил две корзины, одна — полная ракушек, а другая — песку. Человек шел по мостовой, между подпрыгивающим серым боком и враждебными автомобилями. Оба почти не поднимали глаз, ни человек, ни осел, разве что изредка, оценивая опасность. Мерсье подумал: «Внешнему миру не нарушить этой гармонии». Этот Мерсье еще не перестал нас разочаровывать. Возможно,

он преувеличивал свои силы, когда расставался с Камье в такое темное время суток. Конечно, нужны были силы, чтобы остаться с Камье, точно так же и для того, чтобы остаться с Мерсье, тоже нужны были силы, но все же меньшие, чем для одинокой битвы. А между тем вот он ушел, голоса смолкли, осел и старик чуть не повергли его наземь, но он вновь пришел в себя, благодетельный туман, который лучше всего сущего в мире, вновь простерся внутри своих живых творений, он может еще идти далеко. Он продвигается вперед, почти невидимый, задевая о решетку, в тени невесть каких деревьев, якобы зеленых, может быть, это остролист, насквозь вымокших под дождем, если можно назвать тенью свет чуть более свинцовый, чем над ближайшим торфяником. Ворот его пиджака поднят, правая рука засунута в левый рукав, и наоборот, и обе по-стариковски трясутся над животом, и иногда он мельком, словно сквозь колышущиеся водоросли, видит ногу, шаркающую по плитам. Тяжкие цепи, подвешенные между железными столбиками, прогибаясь, украшают фестончиками тротуар по обе стороны мостовой. Если их тронуть, они качаются долго, спокойно или извиваясь, подобно змеям. Когда

Мерсье был маленьким, он ходил сюда играть. Пробегая вдоль тротуара, он палочкой приводил цепи в движение одну за другой. Добежав до конца, он оборачивался посмотреть. Тротуар содрогался из конца в конец от тяжелых толчков, которые долго не могли утихнуть.

VIII

Место Камье было возле дверей. Перед ним был красный маленький столик, столешница покрыта толстым стеклом. Слева от него незнакомые люди говорили о незнакомых людях, а справа, понижая голос, обсуждали, с какой энергией иезуиты вмешиваются в общественную жизнь. На эту или близкую к ней тему цитировали опубликованную в религиозном журнале статью об искусственном оплодотворении. Кажется, вывод из этой статьи сводился к тому, что в каждом случае, когда сперма принадлежит не мужу, имеет место грех. На эту тему завязался спор. В него вступило множество голосов.

— Говорите о другом, — сказал Камье, — если не хотите, чтобы я пошел к архиепископу и все ему рассказал. Вы меня волнуете.

Все было настолько мутно и прокурено, что он плохо различал происходящее. Сквозь туман только иногда прорывались куски рукавов, увенчанные курительными трубками, и повсюду то островерхая шляпа, то фрагменты нижних конечностей, в частности ступни ног, напряжен-

ные и неестественно вывернутые, беспрестанно шевелившиеся, словно они-то и служили вместилищем души. Но позади была толстая надежная стена, совершенно простая и четкая, он чувствовал ее спиной, он задевал эту стену затылком. «Когда придет Мерсье, — сказал он себе, — потому что он ведь придет, знаю я его, но куда же он приткнется? Сюда, к столу?» На некоторое время он застыл, поглощенный этой проблемой. В конце концов он решил, что нет, этого не нужно, что он, Камье, этого не вынесет, а почему, он и сам не знал. Что же случится тогда? Чтобы лучше себе представить, что тогда случится, коль скоро Мерсье вообще не следовало приходить к нему сюда в этот угол, Камье вынул руки из карманов, сложил их перед собой в мягкую и уютную кучку и уткнулся в них лицом, сперва немножко, а потом налег всей тяжестью черепа. И сразу же Камье увидел — увидел, что он видит Мерсье до того, как Мерсье его увидел, увидел, как он сам, Камье, встает и бежит к дверям. «Вот и ты, наконец-то, — восклицает он, — я думал, что ты меня бросил», и он увлекает его к стойке или в задний зальчик, или они вместе уходят, хотя это маловероятно, потому что Мерсье усталый, ему хочется сесть, попить, а потом уж двигаться дальше,

и ему надо рассказать о разных вещах, которые нехорошо откладывать, и у Камье тоже есть о чем рассказать, да, им надо сказать друг другу важные вещи, и оба устали, и потом, они же давно не виделись, и вообще пускай все успокоится и прояснится, и пускай они оба хоть примерно представят себе, как к этому относиться и каковы виды на будущее, хороши, или нет, или попросту так себе, как нередко бывает, и существует ли та сторона, а не эта, в которую было бы предпочтительно устремиться, или, короче, каковы их дела вот сейчас, прежде чем они смогут в порыве радостного озарения броситься к одной из многочисленных целей, которые уравнивает снисходительная оценка, или, просияв (что необязательно), они воздадут должное этому порыву, восхищаясь целями издали, потому что они далеко, одна дальше другой. И тогда перед человеком начинает брезжить то, что могло бы быть, если бы не оказалось неизбежным то, что есть, и уж не каждый день удается рассечь на четыре части этакий волосок. Потому что с того мига, как вы родились на свет, — дудки! Наведя таким образом порядок в ближайшем будущем, Камье поднял голову и увидел напротив себя существо, узнать которое удалось ему не сразу, настолько

это был Мерсье, — и вот откуда потянулись размышления, и хитросплетения эти улеглись бы не раньше чем послезавтра (и какое тогда облегчение!) в сладостном выводе о том, что не того невыносимого мига он опасался, когда друг окажется рядом, а опасался, что вот он захлопнет дверь и закончит пересекать обширное пространство, разделявшее их с утра. По прямой.

С появлением Мерсье поднялось некоторое волнение, в зале повеяло холодком конфуза. А ведь там сидели по большей части грузчики и матросы да несколько таможенников, то есть люди, которых вообще не так легко смутить явлениями, выходящими за рамки привычного. Однако голоса словно отхлынули, жесты замерли, пивные кружки затрепетали у краешков губ, все лица повернулись в одну сторону. Если бы там был наблюдатель, хотя его там не было, он подумал бы, возможно, о стаде овец или буйволов, которое пришло в беспокойство перед лицом неведомой опасности. Застывшие тела, вытянувшиеся и раздраженные лица, намагниченные опасностью, на мгновение становятся более неподвижными, чем природа, в плену которой они пребывают. Потом начинается паническое бегство, или, если чужак слаб, на него набрасы-

ваются, или все возвращаются к своим занятиям, щиплют травку, жуют жвачку, предаются любви, резвятся. Или это напоминает тех ходячих больных, при появлении которых смолкают разговоры, все забывают о своих телах, а души преисполняются боязнью, жалостью, гневом, смехом и отвращением. Да, когда вы наносите природе оскорбление, берегитесь, если не хотите услыхать улюлюканье или принять помощь чьей-нибудь омерзительной руки. На миг Камье показалось, что дело примет дурной оборот, и мускулы его ног напряглись под столом. Но мало-помалу в воздухе словно разлился огромный вздох, облачко пара, которое поднималось, поднималось, подобно волне, что набегает на песок и ярость ее в конце концов разбивается в брызги и дребезги под детский смех.

— Что с тобой случилось? — сказал Камье.

Мерсье поднял голову, избегая, однако, глядеть Камье в глаза или даже на стену. На что он мог смотреть столь пристально? Непонятно.

— Ну и вид у тебя, — сказал Камье. — Будто с того света явился. Что ты говоришь? — В самом деле, губы Мерсье шевельнулись. — Можно носить бороду, — сказал Камье, — и не бормотать в нее.

— Я знаю только одного такого, — сказал Мерсье.

— Тебя не побили? — сказал Камье.

На них упала тень человека исполинского роста. Фартук доходил ему до середины бедер. Камье посмотрел на него, он посмотрел на Мерсье, а Мерсье принялся смотреть на Камье. Таким образом, хотя взгляды всех троих не пересеклись, родились очень сложные образы, поскольку каждый насладился собой одновременно в трех разных версиях и вместе с тем, хотя и менее отчетливо, тремя версиями «я», которыми насладились двое других, итого девятью совершенно новыми образами, с трудом совместимыми один с другим, и это не считая множества других смутных раздражителей, кишевших поодаль. Этот создавало сутолоку, скорее тягостную, но поучительную, поучительную. Добавьте к этому множество взглядов, которые притягивали к себе эти трое посреди вновь установившейся тишины, и вы получите слабое представление о том, что навлекает на себя человек, пытаясь схитрить, то есть я хочу сказать, покидая пустую, темную и отгороженную от мира крепость, где каждые несколько веков на секунду вспыхивает багрянцем далекий свет, безобидное безумие

чувствовать, что ты есть, что ты был.

— Что будете заказывать? — спросил официант.

— Когда вы понадобитесь, вас позовут, — сказал Камье.

— Что будете заказывать? — сказал официант.

— То же самое, — сказал Мерсье.

— Вы еще ничего не брали, — сказал официант.

— То же самое, что для месье, — сказал Мерсье.

Официант посмотрел на стакан Камье. Стакан был пуст.

— Я не помню, что вы заказывали, — сказал он.

— И я не помню, — сказал Камье.

— А я и раньше не знал, — сказал Мерсье.

— Ну, постарайтесь, — сказал Камье.

— Вы нас запугиваете, — сказал Мерсье. — Браво.

— Мы храбримся, — сказал Камье, — а сами обделались. Сходите поскорей за опилками, друг мой.

Вот так каждый из них продолжал говорить то, что ему говорить не следовало, пока не установилось что-то вроде взаимопонимания, скрепленного несколькими лакированно-деревянными улыбками и кислыми любезностями. Опять под-

нялся гул голосов.

— За нас, — сказал Камье.

Мерсье поднял стакан.

— Об этом я не думал, — сказал Камье.

Мерсье поставил стакан.

— Но в конце концов, почему бы и нет? — сказал Камье.

Итак, они подняли стаканы и выпили за здоровье друг друга, и каждый в одно и то же время, или почти, сказал: «За твое здоровье». Камье добавил: «И за успех нашего…» Но ему не удалось закончить это пожелание. «Помоги мне», — сказал он.

— Я не знаю ни слова, — сказал Мерсье, — ни даже фразы, способной выразить то, что мы, как нам кажется, хотим сейчас сделать.

— Руку, — сказал Камье, — нет, обе.

— Зачем? — сказал Мерсье.

— Чтобы пожать их, — сказал Камье.

Их руки ощупью поискали друг друга под столом, среди ног, нашли друг друга, пожали — две маленькие руки — одну большую, две большие — одну маленькую.

— Да, — сказал Мерсье.

— В каком смысле да? — сказал Камье.

— Что-что? — сказал Мерсье.

— Ты сказал да, — сказал Камье. — Не объяснишь ли, к чему ты это сказал?

— Я сказал да? — сказал Мерсье. — Не может быть. В последний раз я произнес это слово в день своей свадьбы. С Тоффаной. Матерью моих детей. *Моих* детей. Неотъемлемых. Ты ее не знаешь. Она до сих пор жива. Воронка. Точно с болотом трахаешься. Как подумаешь, что ради этого гектолитра дерьма я отказался от самой радужной мечты. — Он смолк не без кокетства. Но Камье не хотелось играть. Так что Мерсье пришлось сказать самому: — Ты не смеешь спросить меня, от какой мечты? Ладно, признаюсь. Оторваться от кокосовой пальмы моей расы.

— Я бы очень любил цветного ребенка, — сказал Камье.

— С тех пор я употребляю другое выражение, — сказал Мерсье. — Мы делаем, что можем, но мы ничего не можем. Надрываемся, надрываемся, а вечером оказываемся там же, где были утром. И все же! Вот ценное изречение, если я не ошибаюсь. Всё — vox inanis[5], за исключением разве что иных конъюнкций в иные дни: вот вклад Мерсье в спор об универсалиях. Ты красный как поми-

---

[5] Примечания: 5
Пустой звук (*лат.*).

дор, Камье, рано или поздно ты лопнешь.

— Где наши вещи? — сказал Камье.

— Где наш зонтик? — сказал Мерсье.

— Я хотел помочь Элен, — сказал Камье, — и сделал неловкое движение.

— Ни слова больше, — сказал Мерсье.

— Я швырнул его в бассейн, — сказал Камье.

— Пошли отсюда, — сказал Мерсье.

— А куда? — сказал Камье.

— Криво вперед, — сказал Мерсье.

— А вещи? — сказал Камье.

— Не будем больше об этом, — сказал Мерсье.

— Ты меня доведешь до ручки, — сказал Камье.

— Тебе подробно? — сказал Мерсье.

Камье не ответил ничего. Не находит слов, про себя отметил Мерсье.

— Помнишь наш велосипед? — сказал Мерсье.

— Да, — сказал Камье.

— Говори громче, — сказал Мерсье, — я ничего не слышу.

— Я помню наш велосипед, — сказал Камье.

— От него осталось, — сказал Мерсье, — накрепко пристегнутое к решетке то, что по логике вещей должно было остаться после недели непрерывного дождя от велосипеда, с которого свинтили два колеса, седло, звонок и багаж-

ник. И фонарик, — добавил он, — чуть не забыл. Что у меня с головой.

— И насос, естественно, — сказал Камье.

— Поверишь ты мне или нет, — сказал Мерсье, — мне все равно, но насос нам оставили.

— А что, хороший насос, — сказал Камье. — Где он?

— Я подумал, что дело, по-видимому, в обычной забывчивости, — сказал Мерсье. — И я его оставил там. По-моему, я поступил правильно. Что нам теперь надувать? Я его перевернул, кстати. Не знаю зачем.

— Он и перевернутый хорошо держится? — сказал Камье.

— Да, вполне, — сказал Мерсье.

Они вышли. Дул ветер.

— Дождь еще идет? — сказал Мерсье.

— Сейчас, кажется, перестал, — сказал Камье.

— Однако сыро, — сказал Мерсье.

— Если нам нечего сказать друг другу, — сказал Камье, — лучше ничего не будем говорить.

— Нам есть что сказать друг другу, — сказал Мерсье.

— Тогда почему мы это не говорим? — сказал Камье.

— Потому что не знаем, — сказал Мерсье.

— Тогда помолчим, — сказал Камье.

— Но мы пытаемся, — сказал Мерсье.

— Мы вышли беспрепятственно и не понеся ущерба, — сказал Камье.

— Вот видишь, — сказал Мерсье. — Продолжай.

— Мы с тягостным усилием…

— С тягостным усилием! — воскликнул Мерсье.

— С мучительным… с мучительным усилием пробираемся мы вперед по темным улицам, относительно пустынным, возможно, по причине позднего времени и неустойчивой погоды, и не знаем, кто вождь, кто ведомый.

— В тепле, у камелька, как-то одуреваешь, — сказал Мерсье. — Книга падает из рук, голова падает на грудь. Огонь догорает, жаровня тускнеет, сновиденье рождается и бредет за поживой. Но страж бдит, человек просыпается и идет в постель, благодаря Бога за благоденствие, добытое тяжким трудом, приносящее в ряду прочих такие радости, такой покой, пока ветер и дождь хлещут по стеклам, и мысль, чистый дух, блуждает среди тех, кто лишен крова, неловких, отверженных, слабых, бесталанных.

— Знаем ли мы хотя бы, что каждый из нас

делал последнее время? — сказал Камье.

— Что-что? — сказал Мерсье.

Камье повторил свое замечание.

— Даже когда мы вместе, — сказал Мерсье, — как сейчас, бок о бок, рука в руке, ноги шагают в такт, каждый миг происходит больше событий, чем можно было бы описать в огромном томе, и у тебя, и у меня. Вероятно, этому изобилию обязаны мы благотворным чувством, что ничего нет — нечего делать, нечего говорить. Потому что в конце человека утомляет желание утолить свою жажду из пожарного шланга и видеть, как под автогеном одна за другой тают несколько оставшихся у него свечей. И тогда он раз и навсегда посвящает себя жажде и сумраку. Так спокойнее. Но прости меня, в иные дни вода и огонь заполоняют мои мысли, а стало быть, и речи, постольку, поскольку одно с другим связано.

— Я бы хотел задать тебе несколько простых вопросов, — сказал Камье.

— Простых вопросов? — сказал Мерсье. — Камье, ты меня удивляешь.

— По форме они будут совсем простенькими, — сказал Камье. — Тебе надо будет только ответить на них, не раздумывая.

— Что я в жизни ненавижу, — сказал Мерсье, — так это разговаривать на ходу.

— Положение наше отчаянное, — сказал Камье.

— Ладно тебе, самодовольный ты тип, — сказал Мерсье. — Как ты думаешь, дождь перестал, если он перестал, из-за ветра?

— Понятия не имею, — сказал Камье.

— Это все для нас меняет, вне всякого сомнения. Но похоже, ветер с каждым мигом усиливается, вот что меня беспокоит. Скоро мы сможем разговаривать только криком.

— Два маленьких чепуховых вопросика, — сказал Камье. — А потом подхватишь опять свою рапсодию.

— Послушай, — сказал Мерсье. — Я уже не знаю никаких ответов, лучше я тебе скажу это сразу. Раньше знал, причем самые лучшие, только они одни и составляли мне компанию. Я даже сочинял фразы в вопросительной форме, чтобы было с кем водиться. Но я давно уже отпустил всю эту нечисть на свободу.

— Речь не о ней, — сказал Камье.

— А о чем? — сказал Мерсье. — Это становится интересно.

— Вот увидишь, — сказал Камье. — Прежде

всего, какие новости о рюкзаке?

— Ничего не слышу, — сказал Мерсье.

— Рюкзак, — крикнул Камье. — Где рюкзак?

— Свернем сюда, — сказал Мерсье. — Тут дует меньше.

Они углубились в узкую улочку, по сторонам которой высились старые дома.

— Слушаю тебя, — сказал Мерсье.

— Где рюкзак? — сказал Камье.

— С чего тебе взбрело в голову к этому возвращаться, — сказал Мерсье.

— Ты мне еще ничего не сказал, — сказал Камье.

Мерсье остановился, чем вынудил Камье остановиться тоже. Не остановись Мерсье, Камье бы тоже не остановился. Но Мерсье остановился, и Камье пришлось остановиться в свою очередь.

— Я тебе ничего не сказал? — сказал Мерсье.

— Ровным счетом ничего, — сказал Камье.

— О чем тут говорить, — сказал Мерсье, — если предположить, что мне нечего тебе сказать?

— Ну, в общем, если ты его нашел, как это случилось, и так далее, — сказал Камье.

Мерсье сказал:

— Лучше продолжим наш… — И смущенно ткнул свободной рукой куда-то себе и другу

под ноги.

— Я понял, — сказал Камье.

И они его продолжили, это не поддающееся описанию нечто, имевшее некоторое отношение к их ногам.

— Так ты говорил… — сказал Мерсье.

— Рюкзак, — сказал Камье.

— Он при мне? — сказал Мерсье.

— Я бы не сказал, — сказал Камье.

— Ну так о чем говорить? — сказал Мерсье.

— Этого маловато, — сказал Камье.

— Кому ты рассказываешь, — сказал Мерсье.

— Столько всего могло случиться, — сказал Камье. — Ты мог его искать, но понапрасну, найти его и опять потерять или даже выбросить, подумав: «Не имеет смысла с ним возиться» или: «На сегодня хватит с меня, а завтра будет видно», да мало ли что.

— Я его искал, но напрасно, — сказал Мерсье, — долго, терпеливо, тщательно и безуспешно.

Он преувеличивал.

— Разве я тебя спрашиваю, как именно ты исхитрился сломать зонтик? — сказал Мерсье. — Или до какой степени ты обезумел, чтобы его выбросить? Я осмотрел множество разных мест, опросил множество народу, воздал должное

невидимости вещей, переменам, какие приносит время, склонности человеческой, а значит, и моей к слабости и лжи, к желанию порадовать ближнего и уязвить его, но с тем же успехом, ровно с тем же, я мог бы сидеть где угодно сложа руки, потому что это не имеет никакого значения, и еще поискать средство против никуда не ведущих подходов, шаркающих шлепанцев и звякающих ключей, которое было бы получше, чем вопли, беготня, одышка, окрики.

— Какая определенность, — сказал Камье.

Мерсье продолжал:

— Почему мы упорствуем, Камье, к примеру, ты да я, когда-нибудь ты задавал себе подобный вопрос, раз уж ты их задаешь в таком количестве? Неужели то немногое, что от нас осталось, надо ввергать в тоску бегства и в грезы об освобождении? Не брезжит ли перед тобой, как передо мной, возможность приспособиться к этой бессмысленной муке, мирно дожидаться палача, как ратификации фактического положения дел?

— Нет, — сказал Камье.

— Мне часто случалось, — сказал Мерсье, — сожалеть на концерте о том, что музыка смолкла, потому что она мне весьма нравилась, но тут же я как ни в чем не бывало отправлялся на боковую,

потому что был утомлен.

Они задержались на краю широкого открытого пространства, возможно, площади, где царила суматоха, метались огни, извивались тени.

— Повернем обратно, — сказал Мерсье. — Эта улица очаровательна. Она пахнет борделем.

Они повернули и пошли по той же улице в другую сторону. Улица заметно изменилась, несмотря на темноту. Но сами они едва ли изменились.

— Вижу дальние края… — сказал Мерсье.

— Минуточку, — сказал Камье.

— Ну и зараза, — сказал Мерсье.

— Куда мы идем? — сказал Камье.

— Когда же я от тебя отделаюсь? — сказал Мерсье.

— Ты не знаешь, куда мы идем? — сказал Камье.

— Какая нам разница, — сказал Мерсье, — куда мы идем? Идем — и ладно.

— Не кричи, — сказал Камье.

— Идем туда, где нас как можно меньше корчит от отвращения, — сказал Мерсье. — Пользуемся тем, что на некоторых путях дерьма поменьше, туда и юркаем, ни слуху ни духу, следы заметаем. Угодили на превосходную улочку, нам остается

только шагать по ней, пока она не предстанет в истинном свете, а ты хочешь знать, куда мы идем. Что у тебя с нервами нынче вечером, Камье?

— Подведу итог, — сказал Камье. — Мы решили, худо ли, бедно ли, что…

— Худо ли, хорошо ли, — сказал Мерсье.

— Худо ли, бедно ли, — сказал Камье, — что из этого города нужно уехать. И мы из него уехали. Это было нелегко. Что бы ни случилось, мы будем гордиться этим славным свершением, пока живы. Но едва мы уехали из города, как перед нами встала необходимость в него вернуться, не теряя ни минуты. Якобы за кое-какими вещами, которые мы там оставили. Что бы ни говорить об этом мотиве, мы повиновались только ему, с бранью, но и с отвагой, и никакой другой мотив не прозвучал в оправдание нашего крутого поворота. Мы договорились, что вновь покинем город при первой возможности, то есть как только найдем или откажемся от надежды найти всю совокупность или отдельную часть наших вещей. Следовательно, нам остается только выбрать или, иначе говоря, определить наш путь из города. Каковы твои предпочтения? Какой вид транспорта представляется тебе

наиболее уместным? Хочешь ли ты, чтобы мы немедленно на него поспешили, или предпочитаешь дождаться зари? Ты сам сказал: «Я хочу, чтобы мы выработали план еще до ночи и отправились в путь». А если нам придется заночевать здесь, где нам ночевать? Или возможно, отныне и впредь мы окажемся мишенью для новых сил, которые по-прежнему будут лишь смутно проявляться, глухо противодействовать осуществлению нашей программы и взывать к ее новому пересмотру? Вот что я предлагаю на твое рассмотрение. Если по той или иной причине ты не можешь об этом подумать или на это ответить, не думай или не отвечай, ты не обязан. Я подумаю об этом за нас двоих, и я на это отвечу.

Они снова дружно повернули в обратную сторону.

— Мы слишком много разговариваем, — сказал Мерсье. — Я не говорил и не слушал такого количества чуши с тех пор, как следую за тобой.

— Это я следую за тобой, — сказал Камье.

— Не будем ссориться из-за мелочей, — сказал Мерсье.

— Быть может, недалек тот день, — сказал Камье, — когда мы ничего больше не сможем

сказать друг другу. Так задумаемся же, прежде чем себя сдерживать. Потому что в тот день ты напрасно обернешься ко мне, я уже буду не там, а в другом месте, но все такой же — или почти такой же.

— А зачем тебе туда перемещаться? — сказал Мерсье.

— Не случайно, — сказал Камье, — я часто, очень часто задумываюсь, не лучше ли было бы нам отправиться в путь не мешкая.

— Ты меня не разжалобишь, — сказал Мерсье.

— Да вот сегодня, например, — сказал Камье, — я чуть не пропустил свидание.

— Как это интересно, — сказал Мерсье, — мне пришлось биться с аналогичным ангелом.

— Рано или поздно кто-нибудь из нас махнет на все рукой, — сказал Камье.

— В самом деле, — сказал Мерсье, — мы не обязаны изнемочь оба одновременно.

— Это не обязательно было бы уклонением, — сказал Камье.

— Отнюдь нет, — сказал Мерсье, — отнюдь нет.

— Я имею в виду отречением, — сказал Камье.

— Именно так я и понял, — сказал Мерсье.

— Но шансы есть, — сказал Камье.

— Шансы на что? — сказал Мерсье.

— На то, что получится именно оно, — сказал Камье.

— Разумеется, — сказал Мерсье, — идти дальше одному, все равно, ты бросил или тебя бросили… Ты позволишь мне не развивать эту мысль до конца?

Несколько шагов они прошли молча. Потом Камье ни с того ни с сего разразился смехом.

— Тряпка ты, вот что, — сказал он, — тебя и ребенок заставит идти.

Мерсье издал что-то вроде стрекотания.

— Хороша шутка, — сказал он. — Ты думал, что ты меня обвел вокруг пальца, а на самом деле сам обделался.

— На самом деле я скорее вспотел — сказал Камье.

— Мне и самому было не по себе, — сказал Мерсье.

— Шутки в сторону, — сказал Камье, — это достойно некоторого изучения.

— Мы посовещаемся, — сказал Мерсье, — мы всесторонне исследуем перспективы.

— Прежде чем двигаться дальше, — сказал Камье.

— Вот-вот, — сказал Мерсье.

— Для этого нам нужно полностью распо-

ряжаться всеми нашими многочисленными способностями, — сказал Камье.

— Хорошо бы, — сказал Мерсье.

— А мы полностью? — сказал Камье.

— Полностью что? — сказал Мерсье.

— Распоряжаемся всеми нашими способностями, — сказал Камье.

— Надеюсь, что нет, — сказал Мерсье.

— Нам надо поспать, — сказал Камье.

— Вот-вот, — сказал Мерсье.

— Может, пойдем к Элен? — сказал Камье.

— Я не настаиваю, — сказал Мерсье.

— Я тоже, — сказал Камье.

— Здесь где-то должны быть бордели, — сказал Мерсье.

— Все темно, — сказал Камье. — Ни света. Ни номеров.

— Спросим у этого симпатичного полицейского, — сказал Мерсье.

Они обратились к полицейскому.

— Прощу прощения, — сказал Мерсье, — не знаете ли вы, где здесь по соседству дом, как бы мне вам сказать, дом терпимости?

Полицейский уставился на них.

— Не смотрите на нас так, — сказал Мерсье. — По возможности с гарантией гигиены. Мы с дру-

гом страшно боимся сифилиса.

— У вас что, стыда нет, в ваши-то годы? — сказал полицейский.

— Во что вы вмешиваетесь? — сказал Камье.

— Стыда? — сказал Мерсье. — Камье, у тебя есть стыд, в твои-то годы?

— Идите своей дорогой, — сказал полицейский.

— Я запишу ваш номер, — сказал Камье.

— Дать тебе карандаш? — сказал Мерсье.

— Тысяча шестьсот шестьдесят пять, — сказал Камье. — Год эпидемии чумы. Легко запомнить.

— Видите ли, — сказал Мерсье, — ребячеством было бы, по-моему, отказаться от любви по причине простой задержки спермообразования. Вы ведь не хотели бы, чтобы люди жили без любви, инспектор, хотя бы раз в месяц, скажем, в ночь первой субботы?

— И вот на что идут наши прямые налоги, — сказал Камье.

— Я вас задерживаю, — сказал полицейский.

— На каком основании? — сказал Камье.

— Продажная любовь — единственная, какая нам осталась, — сказал Мерсье. — Страсть и интрижки — все это для других.

— И одинокое наслаждение, — сказал Камье.

Полицейский схватил Камье за руку и начал ее заламывать.

— Ко мне, Мерсье, — сказал Камье.

— Отпустите его, — сказал Мерсье.

— Ай! — сказал Камье.

Одной рукой, огромной, как две обычные руки, ярко-красной и волосатой, удерживая Камье за локоть, полицейский влепил ему другой, свободной, мощную оплеуху. Становилось интересно. Не каждый день однообразие его дежурства нарушалось таким отменным развлечением. В его ремесле есть свои радости, он всегда это говорил. Он вытащил дубинку. «Давай-давай, — сказал он, — нечего тут». Той рукой, в которой была дубинка, он достал из кармана свисток и поднес его к губам, потому что был не только силен, но и ловок. Но он недостаточно всерьез принял Мерсье (кто его осудит?), и это его погубило, потому что Мерсье поднял правую ногу (кто мог этого ожидать?) и неуклюже, но хладнокровно направил ее в яйца (будем называть вещи своими именами) противника (промахнуться не было ни малейшей возможности). Полицейский разжал руки и упал, вопя от боли и отвращения. Мерсье и сам потерял равновесие и тоже упал, больно ударившись бедром. Но Ка-

мье, вне себя от возмущения, проворно поднял дубинку, пинком отшвырнул в сторону каску и несколько раз изо всех сил стукнул полицейского по черепу, держа дубинку обеими руками. Крики замерли. Мерсье встал с земли. «Помоги мне!» — проревел Камье. Он яростно тянул за капюшон, застрявший между телом и мостовой. «Что ты хочешь сделать?» — сказал Мерсье. «Прикрыть эту образину», — сказал Камье. Они вытащили капюшон и натянули его на лицо жертве. Потом Камье опять принялся наносить удары. «Хватит, — сказал Мерсье, — дай сюда это тупое оружие». Камье выпустил из рук дубинку и бросился бежать. «Погоди», — сказал Мерсье. Камье остановился. «Скорее», сказал Камье. Мерсье подобрал дубинку и нанес по прикрытому черепу умеренный и старательный удар, один-единственный. «Как крутое яйцо», — сказал он. «Как знать, — подумал он, — может, его прикончил именно этот». Он бросил дубинку и зашагал рядом с Камье, взяв его под руку. «Пойдем не таясь», — сказал Мерсье. Камье дрожал, но недолго. Когда они дошли до конца площади, им пришлось остановиться под яростными порывами ветра. Потом медленно, опустив головы, пошатываясь, цепляясь друг за друга, они по-

шли вперед сквозь свистопляску теней и шумов, спотыкаясь о булыжники мостовой, по которым уже неслись, то шаркая, то резкими скачками, как на пружинах, черные ветки. На другом конце виднелась маленькая тихая улочка, похожая на ту, с которой они только что ушли. Там царил необыкновенный, хотя мало-помалу истаивавший покой.

— Надеюсь, он сделал тебе не слишком больно? — сказал Мерсье.

— Сволочь какая, — сказал Камье. — Ты видел эту морду?

— Полагаю, это весьма упрощает дело, — сказал Мерсье.

— И это они называют поддерживать порядок, — сказал Камье.

— Все равно сами бы мы ни за что не нашли, — сказал Мерсье.

— Думаю, проще всего сейчас было бы пойти к Элен, — сказал Камье.

— Бесспорно, — сказал Мерсье.

— Ты уверен, что нас никто не видел? — сказал Камье.

— Риск — благородное дело, — сказал Мерсье. — В сущности, я всегда только на него и рассчитывал.

— К счастью, тут недалеко, — сказал Камье.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что это для нас значит? — сказал Мерсье.

— Не думаю, что сию минуту это для нас что-то меняет, — сказал Камье.

— Не должно менять, — сказал Мерсье, — но это изменит все.

— Это должно все изменить, — сказал Камье, — но это ничего не изменит.

— Вот увидишь, — сказал Мерсье. — Цветы в вазе, а овечки вернулись в парк.

— Не понимаю, — сказал Камье.

Остаток пути они проделали большей частью в молчании, то всецело отдаваясь ярости ветра, то пользуясь затишьем. Мерсье пытался охватить во всей полноте последствия для них того, что произошло, а Камье пытался отыскать смысл во фразе, которую только что услышал. Но им не удавалось — Мерсье постичь, как им повезло, а Камье довести до конца свое исследование, потому что они устали, нуждались во сне, шатались под ветром, а к довершению всех неприятностей на головы им неистощимыми потоками изливался дождь.

IX

Краткое изложение двух предыдущих глав

VII

Вечер восьмого (?) дня.
У Элен.
Зонтик.
На другой день у Элен.
Приятное времяпрепровождение.
Под вечер на улице.
Бар.
Мерсье и Камье совещаются.
Результаты этого совещания.
У Элен.
На другой день в полдень, перед домом Элен.
Зонтик.
Взгляды, устремленные на небо.
Зонтик.
Снова взгляды, устремленные на небо.
Ледисмит.
Зонтик.
Снова взгляды, устремленные на небо.
Зонтик.

Мерсье уходит.
Встречи Мерсье.
Мозг Мерсье.
Цепи.

VIII

Тот же день.
Задница и рубашка, с иллюстрациями (отрывок, полностью изъятый).
Предпоследний бар.
Мать-Церковь и искусственное оплодотворение.
Приход Мерсье.
Официант-исполин.
Вклад Мерсье в спор об универсалиях.
Зонтик, конец.
Велосипед, конец.
На улице.
Ветер.
У камелька.
Струя воды и автоген.
Ветер.
Формы обучения катехизису.
Роковая улица.
Рюкзак.
Музыка и сон.

Бездна.
Дальние страны.
Роковая улица.
Полицейский.
Смерть полицейского.
Бездна.
«Цветы в вазе».
Ветер.
Бурное поголовье.

X

Дорога, еще проезжая, тянется по высоко лежащей песчаной равнине. Это старая военная дорога. Она наискось прорезывает обширные торфяники на высоте пятисот или, если вам так больше нравится, тысячи метров. Теперь она уже никуда не ведет. Кое-где развалины фортов, кое-где развалины домов. Море невдалеке, оно виднеется за долинами, полого тянущимися к востоку, оно бесцветно, или, пожалуй, оно того же цвета, что бесцветное небо, цвета цемента. В расщелинах равнины прячутся озера, чтобы их увидать, надо сойти с дороги, к озерам ведут малые тропки, а над ними нависают высокие утесы. Все кажется плоским или слегка скользит под откос, а между тем проходишь совсем близко от высоких утесов, не подозревая об их существовании. Вдобавок кругом гранит. Странная местность. На западе горная цепь достигает наибольшей высоты, ее пики заставляют самых угрюмых путников поднять глаза — знаменитые пастбища, золотая долина. Впереди, насколько хватит взгляда, дорога петляет к югу. Она идет

в гору, но это совершенно незаметно. Сюда больше никто не забредает, разве какие-нибудь маниакальные приверженцы живописных видов или пешего хода. Замаскированный зарослями вереска торфяник манит к себе, и перед этой заманчивостью не устоять никому из смертных. Потом торфяник их поглотит, или падет туман. Город тоже недалеко, есть места, с которых ночью видны его огни, вернее, огонь, а днем — дым. В очень ясные дни даже можно различить молы в порту, в двух портах, они тянут крошечные ручонки в остекленевшее море, и мы знаем, что они лежат плашмя, но видим их воздетыми. Видны острова и мысы — надо только вовремя обернуться, а ночью, конечно, маяки, неподвижные и кружащиеся. Небо, даже синее, кажется ниже, когда смотришь с этого плоскогорья, и сколько ни рассуждай, впечатление никуда не денется. Хочется прилечь там в какой-нибудь щели, плотно устланной сухим вереском, и однажды под вечер уснуть последним сном. И будет светить солнце, вокруг головы будет вершиться кропотливая жизнь стебельков и венчиков, и вы быстро уснете, быстро расстанетесь со всем этим очарованием. И это небо без птиц, с хищными птицами на худой конец, но без птиц-птиц. Ко-

нец описания.

— Что это за крест? — сказал Камье.

Опять они здесь.

Прямо посреди торфяника, невдалеке от дороги, но все же слишком далеко, чтобы можно было прочитать надпись, высился совсем простой крест.

— Я знал, — сказал Мерсье, — но забыл.

— Я тоже знал, — сказал Камье, — я в этом почти уверен.

Но все-таки он был уверен не до конца.

Это была могила патриота, которого в ночи привел сюда враг и казнил. А может быть, принесли уже его труп и бросили в этом месте. Погребли его много позже, не без торжественности. Его имя было Масс. В националистических кругах его не очень-то почитали. В самом деле, работал он скорее неважно. Но памятник за ним сохранялся по-прежнему. Все это Мерсье и Камье знали и, вероятно, еще многое другое, но все забыли.

— Досадно, — сказал Камье.

— Хочешь, подойдем, посмотрим? — сказал Мерсье.

— А ты хочешь? — сказал Камье.

— Я как ты, — сказал Мерсье.

В последнем на их пути леске они вырезали

себе палки. Для стариков шли они в хорошем темпе.

— Как сегодня чувствует себя Мерсье? — сказал Камье.

— Право же, — сказал Мерсье, — бывало и хуже. А что Камье?

— Воздержусь от жалоб, — сказал Камье.

Они гадали, кто рухнет первым. Добрый километр прошагали молча. За руки больше не держались. Каждый шел независимо со своей стороны дороги, так что их разделяла почти вся ее ширина. Одновременно они заговорили. Мерсье сказал: «У тебя не бывает иногда такого ощущения…», а Камье: «Как ты думаешь, там есть черви…»

— Прости, — сказал Камье, — что ты сказал?

— Нет-нет, — сказал Мерсье, — давай лучше ты.

— Я так, — сказал Камье, — ничего интересного.

— Ну и что, — сказал Мерсье, — все равно давай.

— Уверяю тебя, — сказал Камье.

— Ну, пожалуйста, — сказал Мерсье.

— Сперва ты, — сказал Камье.

— Я тебя перебил, — сказал Мерсье.

— Это я тебя перебил, — сказал Камье.

— Ничего подобного, — сказал Мерсье.

— Нет, перебил, — сказал Камье.

Установилось молчание. Его нарушил Мерсье или, вернее, Камье.

— Ты простудился? — сказал Мерсье.

В самом деле, Камье закашлялся.

— Пока еще ничего нельзя понять, — сказал Камье.

— Надеюсь, что все обойдется, — сказал Мерсье.

— Хорошая погода, — сказал Камье.

— Не правда ли? — сказал Мерсье.

— Красивая равнина, — сказал Камье.

— Очень красивая, — сказал Мерсье.

— Ты только посмотри на этот вереск, — сказал Камье.

Мерсье с подчеркнутым вниманием посмотрел на вереск. Присвистнул.

— Там внизу торф, — сказал Камье.

— Никогда бы не подумал, — сказал Мерсье.

Камье закашлялся.

— Ты кашляешь, как безнадежный больной, — сказал Мерсье.

— Как ты думаешь, там есть черви, — сказал Камье, — как в земле?

— У торфа удивительные свойства, — сказал Мерсье.

— А-а, — сказал Камье.

— В нем все сохраняется, — сказал Мерсье.

— А черви там есть? — сказал Камье.

— Хочешь, покопаем немного, чтобы проверить? — сказал Мерсье.

— Еще чего, — сказал Камье, — скажешь тоже. — Он закашлялся.

Погода была в самом деле хорошая, во всяком случае, здесь такая погода считалась хорошей, но прохладная, и ночь была не за горами.

— Где будем ночевать? — сказал Камье. — Ты об этом подумал?

— Странно, — сказал Мерсье, — мне часто мстится, что мы не одни. А тебе нет?

— Не уверен, что понимаю, — сказал Камье.

— Как будто здесь есть кто-то третий. И его присутствие нас обволакивает. Я это чувствовал с первого дня. Хотя я никоим образом не склонен к спиритизму.

— Это тебе мешает?

— Первое время не мешало, — сказал Мерсье.

— А теперь? — сказал Камье.

— Начинает немного мешать, — сказал Мерсье.

Да, ночь была не за горами, и для них это было совсем не плохо, хотя они себе в этом, пожалуй, еще не признавались.

— Кто ты такой, Камье, в конце-то концов? — сказал Мерсье.

— Я? — сказал Камье. — Я Камье, Франсис Ксавье.

— Негусто, — сказал Мерсье.

— Кому ты это рассказываешь, — сказал Камье.

— Я мог бы задать себе самому тот же вопрос, — сказал Мерсье.

— Где мы собираемся ночевать? — сказал Камье. — Под открытым небом?

— Это бы нам уже не повредило, — сказал Мерсье, — после всех тех ночей подряд, которые мы провели у Элен. Удалось тебе ее оттрахать?

— Пытался, — сказал Камье, — но я был как-то не в форме.

— С некоторых пор ты слишком много занимаешься любовью, — сказал Мерсье. — Совсем стыд потерял, в твои-то годы. Смотри, перегреешься.

— У меня в самом деле вся головка так и горит, — сказал Камье. — Это порочный круг.

— Помажь мазью, — сказал Мерсье.

— Боюсь трогать, — сказал Камье.

— А как твоя киста? — сказал Мерсье.

— Ох, и не спрашивай, — сказал Камье.

— Она, по крайней мере, не влезла в попу, как ты одно время боялся? — сказал Мерсье.

— Торчит все время поблизости, — сказал Камье. — С каждым днем все растет, но к дырке не ближе, чем двадцать лет тому назад. Вот и пойми что-нибудь.

— От этих штук хорошо помогает вода с торфяников, — сказал Мерсье. — Можешь просто сесть прямо туда. Заодно сполоснешь задний проход.

Ни деревца — надо ли об этом говорить? На всякий случай лучше скажем. Оазисы здесь — папоротники.

— Мы замерзнем, — сказал Камье, — и сырость проберет нас до мозга костей.

— А развалины на что, — сказал Мерсье. — Или просто будем идти до полного изнеможения. Что может быть лучше в борьбе с ненастьем.

На некотором расстоянии от этого места они очутились перед развалинами дома или даже форта. Развалинам было лет пятьдесят. До того долгое время ничего подобного им не попадалось. Уже почти стемнело.

— Теперь надо сделать выбор, — сказал Мерсье.

— Между чем и чем? — сказал Камье.

— Между развалинами и изнеможением, — сказал Мерсье.

— А нельзя их как-нибудь соединить? — сказал Камье.

— До следующих нам ни за что не добраться, — сказал Мерсье.

— Очень просто, — сказал Камье.

— Это только так говорится, — сказал Мерсье.

— Просто нам нужно пройти еще немного, — сказал Камье, — пока не почувствуем, что дошли до того места, откуда нам хватит сил ровно на то, чтобы вернуться обратно. Тогда мы повернем и придем сюда, к развалинам, в полном изнеможении.

— Это опасно, — сказал Мерсье.

— Ты предложишь что-нибудь получше? — сказал Камье.

— Может, просто поплясать здесь немного, — сказал Мерсье, — словом, поделать всякие резкие телодвижения. Это нам ничем не грозит. А когда с нас будет достаточно, рухнем без сил среди руин.

— Я еще могу некоторое время тащиться по дороге, — сказал Камье, — но ни на какие прыжки я не способен.

— Тогда просто будем ходить взад и вперед, —

сказал Мерсье.

— Мы не устоим перед соблазном лечь раньше времени и слишком быстро покончить со всем этим, — сказал Камье.

— Однако в твоем плане полно подвохов, — сказал Мерсье. — Усталость — странная штука, особенно на последней стадии: она прогрессирует, причем в ней до безумия много всего намешано, и не все ее причины нам известны. Не говоря уж о том, что темнеет и мы можем забрести в болото.

— Не паясничай, — сказал Камье. — Чем мы, в конце концов, рискуем?

— Разумеется, — сказал Мерсье.

Они вновь зашагали вперед, если это можно назвать «зашагали».

— Иногда, — сказал Камье, — с тобой поговорить — истинное наслаждение.

— В душе я незлой, — сказал Мерсье.

Спустя некоторое время Мерсье сказал:

— Не думаю, что я еще долго смогу идти дальше.

— Уже? — сказал Камье. — Ноги, что ли? Ступни?

— Скорее, голова, — сказал Мерсье.

Было темно, в нескольких метрах от них дорога

исчезала из виду. Звездам было еще слишком рано зажигаться. Луне предстояло взойти тоже гораздо позже. В сущности, наступило самое темное время суток. Они остановились. Они еле-еле видели друг друга через дорогу. Камье подошел к Мерсье.

— Пошли обратно, — сказал Камье. — Обопрись на меня.

— Я же тебе говорю, это голова, — сказал Мерсье.

— Тебе мерещатся видения, — сказал Камье. — Например, купы деревьев, а на самом деле там нет ничего. Или выскакивают странные звери, гигантские коровы и лошади ярких расцветок, они выскакивают из темноты, стоит тебе поднять голову, — или высокие амбары, огромные мельницы. И все это расплывается, зыблется, как будто слепнешь прямо на глазах, ха-ха, слепнешь прямо на глазах.

— Если хочешь, возьми меня за руку, — сказал Мерсье.

Так, рука об руку, повернули они обратно — маленькая в большой.

— У тебя рука потная, — сказал Мерсье, — и ты кашляешь. Может, у тебя старческий туберкулез.

Не успел он это сказать, как вздрогнул и пожа-

лел о сказанном. Чего он боялся? О чем жалел? Он боялся, что Камье вернет ему этот мяч и тем заставит его или понимать, отвечать, или хранить нелюбезное молчание, и ему стало жаль, что он навязал себе такую дилемму. Глупости, сожаления, оправдания, страхи, упреки, оправдания, а потом иногда, редко, но иногда — огромное облегчение, как бывает после безнаказанного проступка, потому что Камье хранил молчание, так что даже непонятно было, слышал он или нет. Может быть, он устал гораздо сильнее, чем хотел признаться, и силы у него, так же как у Мерсье, были на исходе. И вот что сообщает такому предположению правдоподобие, каковое, между прочим, есть драгоценный дар: чуть погодя Мерсье пришлось повторить одну и ту же фразу несколько раз кряду, прежде чем она дошла до Камье. То есть:

— Надеюсь, мы не проскочили лачугу, — сказал Мерсье.

Камье не ответил.

— Надеюсь, мы не проскочили лачугу, — сказал Мерсье.

— Что? — сказал Камье.

— Я говорю, надеюсь, мы не проскочили лачугу, — сказал Мерсье.

Камье ответил не сразу. Бывают в жизни такие случаи, когда самым простым и прозрачным словам требуется какое-то время, чтобы развернуться во всей своей красе. И лачуга сбивала с толку. Но наконец он резко остановился — изнемогающий от усталости человечек, взявший на себя, так сказать, руководство операцией.

— Она немного на отлете от дороги, — сказал Мерсье. — Мы могли пройти мимо не заметив, уж больно темно стало, вот что мне кажется.

— Мы бы заметили тропинку, — сказал Камье.

— Может быть, — сказал Мерсье. — Что до меня, честно говоря, я уже ничего не вижу, ни дороги, ни своих собственных ног, ни коленок, ни груди (правда, она у меня впалая). Краешек бороды, пожалуй, не будем лицемерить, время от времени, благо она у меня довольно седая. Мы бы могли пройти мимо Ла Скала в вечер премьеры, я бы и то ничего не заметил. Ты, мой дорогой Камье, по вечной своей доброте тащишь за собой на буксире не человека, а жалкую развалину.

— А я отвлекся, — сказал Камье. — Это непростительно.

— Тебе не в чем себя корить, — сказал Мерсье. — Совершенно не в чем, ни в единой мелочи. Главное, не отпускай моей руки. Не прекращай

своей отчаянной гимнастики, не лишай себя этого, сейчас это на пользу, но не отпускай моей руки.

В самом деле, Камье сотрясался от беспорядочных телодвижений.

— Ты дошел до ручки, мой бедный Камье, — сказал Мерсье. — Признайся.

— Сейчас увидишь, дошел я до ручки или нет, — сказал Камье.

— У тебя попка болит, — сказал Мерсье, — и писька болит.

— Назад мы больше не повернем, — сказал Камье, — что бы ни случилось.

— В добрый час, — сказал Мерсье. — Мне самому обрыдло дергаться, как разочарованный мотылек. Но откуда я черпаю силы для разговора? Можешь ты мне сказать?

Камье чуть не сказал: «Вперед», но вовремя осекся. Потому что они ведь и так согласились не поворачивать назад, а характер местности под угрозой катастрофы исключал любое отклонение влево или вправо — так куда же, как не вперед, могли они идти под угрозой катастрофы? Он ограничился тем, что зашагал дальше, таща за собой Мерсье.

— Постарайся, ради Бога, идти вровень

со мной, — сказал Камье.

— Пойми, тебе еще повезло, — сказал Мерсье, — что ты не вынужден меня нести. Обопрись на меня, ты же сам сказал.

— Это правда, — сказал Камье.

— Я отклоняю это предложение, — сказал Мерсье, — чтобы не слишком тебя обременять. Но не ори, когда я немного отстаю. Что за манера!

Вскоре они уже не шли, а ковыляли. Ковыляя, можно прекрасно двигаться вперед, конечно, не так прекрасно, как если не ковыляешь, а главное, не так быстро, но все же вперед. Они вышли на край торфяника, что могло иметь для них тяжелые последствия, но ничего не поделаешь. Начинались падения — то Мерсье увлекал за собой Камье (в падение), то наоборот, то падали оба одновременно, как один, не сговариваясь и совершенно независимо друг от друга. Поднимались не всегда сразу, в молодости они занимались боксом, но каждый раз поднимались, ничего не поделаешь. И в худшие моменты руки хранили верность — руки, про которые уже трудно было сказать, какая из них пожимает другую, какая отвечает на пожатие, настолько все перепуталось. Вероятно, этому как-то способство-

вало их беспокойство насчет развалин, и очень жаль, потому что беспокоиться было не о чем. В конце концов добрались они до этих развалин, про которые думали, будто они их проскочили, и у них даже достало сил проникнуть в самое укромное местечко, туда, где они были укрыты со всех сторон и словно погребены. И только тогда, спрятавшись наконец от холода, которого они больше не чувствовали, от сырости, которая им почти не мешала, они согласились передохнуть или, верней, поспать, и тут их руки обрели свободу и вернулись к прежним обязанностям.

Ночь также отражается в зеркалах, они — в ней, она — в них, умножая бесчисленные и тщетные отражения. Оба спят бок о бок глубоким старческим сном. Они еще поговорят друг с другом, но это будет, так сказать, совершенно случайно. Но разве они когда-нибудь говорили иначе? Впрочем, отныне ничего нельзя знать наверняка. Самое время кончать. В сущности, все кончено. Но есть еще день, который тянется весь день, и жизнь, которая тянется всю жизнь, они слишком хорошо знакомы нам — эти долгие посмертные оползни, серый осадок, который постепенно успокаивается, мгновенная прозрачность, пыль завершенности, что взлетает, кружит

вихрем, вновь оседает — и конец. Это тоже приемлемо. Давайте разбудим Мерсье, или Камье, какая разница, Камье, он просыпается, темно, по-прежнему темно, он не знает, который час, мы тоже, какая разница, темно, он встает и удаляется во мрак, ложится чуть дальше, по-прежнему в развалинах, можно и не уточнять, в развалинах места много. Почему? Ответить на этот вопрос невозможно. Узнать об этом не в нашей власти. На то, чтобы перебраться с места на место, причины всегда найдутся. Основательные, надо думать, причины, потому что вот то же самое происходит и с Мерсье, причем, судя по всему, примерно в то же самое время. И вопрос о приоритете, как бы кристально ясен ни был он до сих пор, тут же совершенно утрачивает всю свою кристальность. Итак, вот они ложатся или, может быть, только присаживаются на корточки, на более или менее приличном расстоянии друг от друга, — имеется в виду, что расстояние мы оцениваем с точки зрения привычной им тесной близости. Они вновь впадают в дремоту (как любопытно внезапное вторжение настоящего времени) — или, может быть, просто задумались. По зрелом размышлении они, наверно, все же впадают в дремоту, все на это указывает.

Так или иначе, до рассвета, задолго до рассвета, один из них встает, допустим, Мерсье, теперь его очередь, и идет проверить, на месте ли Камье, то есть на том ли самом месте, где они рухнули поначалу, один рядом с другим. Это ясно? Жаль, что где-нибудь поблизости, чуть дальше, не случилось третьего разбойника с намеком на Христа, загибающегося перед потиром, куда как слишком по-человечески. Но Камье там больше нет, потому что откуда же ему там взяться? Тогда Мерсье думает: так, проклятый Камье потащился вперед, пробивает себе путь в потемках, выпучив глаза (чтобы не потерять ни крупицы света), шевеля руками, как антеннами, неуверенными шагами нащупывая путь и карабкаясь (развалины расположены в подземелье, разве это не чувствуется?) по тропе, ведущей на дорогу. Почти в тот же миг, хотя не совсем, иначе бы не получилось, но почти, чуть-чуть раньше, чуть-чуть позже, это не важно или почти не важно, Камье начинает тот же самый маневр. Скотина, думает он, ушел не попрощавшись, и пробирается с тысячью предосторожностей, жизнь так бесценна, а боль так страшна, старая шкура заживает с таким трудом, прочь из этого дружелюбного хаоса, напоминающего о Мантенья,

без единого слова, без единого звука благодарности. Камням не выражают признательности, а зря. В общем, все, вероятно, происходило более или менее таким образом. И вот они на дороге, как-никак, основательно передохнувшие, и каждый знает, что другой рядом, чувствует, верит, боится, надеется, отрицает и ничего не может поделать. Время от времени они останавливаются, напрягают слух при звуке шагов — шагов, узнаваемых среди всех шагов на свете, а этих шагов немало, тихо попирающих все дороги земли днем и ночью. Но ночью видишь то, чего нет, слышишь то, чего нет, и это бесспорно: попадаешь под власть иллюзий, даже и пытаться не стоит этого избежать. И все же пытаешься, видит Бог. Таким образом, может случиться, что один из двух останавливается, садится на обочине, почти на торфянике, чтобы отдохнуть, или чтобы удобней было поразмышлять, или чтобы не размышлять больше — чтобы остановиться, причин всегда хватает, и тогда подходит другой, тот, что шел позади, и видит эту тень Сорделло, но не верит себе, во всяком случае, недостаточно верит, чтобы броситься в его объятия или отвесить ему такой пинок, чтобы он отлетел вверх тормашками прямо в болото. Сидящий тоже ви-

дит, если только не зажмурился, и, уж во всяком случае, слышит, если только не спит, и считает, что у него галлюцинации, но не до конца в этом уверен. Потом, немного погодя, тот, который сидел, встает, а другой садится, и так далее, сами видите, в чем здесь фокус, они могут таким образом дойти до города, то впадая в сомнения, то выпадая из них, и все попусту. Потому что идут они, разумеется, к городу, как всякий раз после того, как его покидают, как после долгих тщетных расчетов, уронив голову на исходные данные. Но в глубине долин, резко понижаясь к востоку, небо меняется, и внезапно вот оно, тут как тут, солнце, старая свинья, пунктуальное, как палач. Внимание, сейчас мы опять увидим земное великолепие, мы опять увидимся, что еще забавнее, ночь ничего не изменит, это всего лишь изнанка панспермочепухи, хорошо еще, что у нее есть изнанка, спасибо, что здесь есть братья, готовые (в случае сомнений) это подтвердить, все братья готовы и это подтвердить, и любые другие замечательные сенсации. И тогда они друг друга видят, а что вы хотели, им, конечно, следовало выйти раньше, но разве угадаешь? Чья очередь, Камье, тогда обернись, мерзавец, и смотри хорошенько. Ты глазам не веришь,

ничего, поверишь: это он, он, твой изысканный любезник, бородатый, костлявый, разбитый на ноги, пропащий, вот он — рукой подать, и подай, подай ему руку, вспомни доброе старое время, когда вы оба вместе валялись в дерьме. Мерсье также сдается перед лицом очевидности, к этому привыкаешь, имея дело с аксиомами, Камье поднимает руку, это безопасно, это элегантно, это галантно, это ни к чему не обязывает. Пока Мерсье колеблется, не решаясь ответить на это приветствие, по меньшей мере неожиданное, Камье пользуется паузой и идет дальше. Из этого настоящего времени больше не выйти. Но приветствовать можно даже мертвых, ничто этому не мешает, это даже одобряется, им это на пользу не пойдет, но похоронщикам приятно, это помогает им проводить похороны, и друзьям, и родственникам, — это помогает им почувствовать, что сами-то они живы, и тому, кто приветствует, тоже хорошо — это бодрит. Мерсье не позволяет себе подать вид, что нет, он поднимает руку в свой черед, соответствующую, неаналогичную руку, в размашистом и дружелюбно бескорыстном жесте, каким прелаты преподносят Богу причитающиеся ему порции материи. Какой я добрый, говорит Мерсье, добрей,

чем если бы он меня видел. Но чтобы покончить с этим бредом, дойдя до первой развилки (на краю равнины), Камье остановился (наконец хоть маленькое прошедшее), и его сердце застучало (еще одно прошедшее!) сильнее при мысли о том, что он собирался вложить в это последнее приветствие, до такой степени чреватое неслыханной деликатностью, что вот-вот лопнет. По ту сторону был уже настоящий деревенский пейзаж, живые изгороди (живые!), грязь, навозная жижа, болота, скалы, лачуги, да изредка, на большом расстоянии друг от друга — несомненный представитель рода человеческого, самый настоящий антропопсевдоморф, с первых крошек зари ковыряющийся в своем клочке земли или перетаскивающий свой навоз с места на место заступом, потому что лопату потерял, а вилы сломались. На развилке растет исполинское дерево, заросли черных веток. Две дороги, левая ведет прямо в город, во всяком случае, настолько прямо, насколько возможно в этих местах, а другая сначала тащится сквозь россыпь зловонных лачуг, которые заслуживают только огня и которые люди упрямо постарались всеми силами сохранить, откуда и эта карикатура на дорогу, в предвидении, надо думать, того славного дня,

когда город под страхом уничтожения явится на встречу с ними. Итак, добравшись до этого перепутья, Камье остановился и обернулся, в результате чего Мерсье тоже остановился и совершил полуоборот, готовый убежать, надо ли повторять дважды? Но напрасно он тревожился, потому что Камье просто поднял руку в приветственном жесте, в точности похожем на тот, на который он уже столь любезно расщедрился раньше, протянул другую, прямую и, кажется, дрожащую, к правому ответвлению и ринулся по нему вперед с героическим проворством. Если бы ему надо было броситься в дом, охваченный пламенем, в котором поджидали, когда их оттуда вынесут, три поколения его семьи, он и тогда не мог бы действовать быстрее. Успокоившись, но не вполне, Мерсье осторожно подошел к развилке. Он посмотрел направо. Камье исчез. Он поспешным шагом пошел по левому ответвлению. Разъединились! По всей видимости, так или почти так все и произошло. Земля тянулась к свету, короткому, слишком долгому свету.

XI

Ну вот. Для того чтобы более или менее точно узнать, что произошло, нужно время. Это ваше единственное оправдание, во всяком случае, лучшее. Ради этого стоит жить, нет, серьезно, стоит вставать, одеваться (очень важно), питаться, выделять экскременты, гулять в хорошую погоду, раздеваться, ложиться в постель, и делать все прочее, и претерпевать все прочее, то, что перечислять было бы, пожалуй, скучно, да, пожалуй, скучно. Потом — восемь, роковое число (а какое число не роковое?), два для каждой ноги, два для каждой руки, а для тех, кто перенес ампутацию, — шесть, четыре, два или ноль, смотря какая ампутация. При таких условиях не рискуешь утратить интерес. Пестуешь свою память, наконец она становится сносной, сокровище, болтаешься в ее крипте, без свечки, возвращаешься на старые места, восстанавливаешь в памяти звуки (очень важно) и в конце концов выучиваешь их наизусть, не знаешь, за что хвататься, во что всматриваться, вслушиваться, внюхиваться, над какими останками наклоняться (все они

одинаково хорошо пахнут), какую пластинку ставить. Ах, милое замогилье! А потом с вами может произойти еще кое-что, еще приключения! Ну да, да. Вы думаете, что с ними покончено, и вдруг в один прекрасный день бах! — прямо в морду. Или в задницу, или в яйца, или в п..., целей-то хватает, особенно ниже пояса. И подумать только, что при всем при том трупам бывает скучно! Какая бесчувственность! Мщение! Мщение!

Это явно утомительно, это захватывает вас целиком, не хватает времени напомадить душу, но нельзя же все сразу, чтобы и тело — всмятку, и совесть — обнажена, и архей — как во времена невинности, до грехопадения, без страховки, да, так и есть, на вечность времени не хватает.

А между тем бывает такой своеобразный сплин, который трудно предотвратить. Это ожидание утра, которое вечера мудреней, потому что не все утра обладают этим свойством. Это может длиться месяцами. Это ни то ни се, долгая, томная, изнуряющая смесь сожалений, последних с окончательными, это было с нами тысячи раз, это потеха, но не удается потешиться, распасться в улыбке, которой мы улыбались уже тысячи раз. Это конец, почти самый конец дня, и таблетки уже не помогают. К счастью, это не всегда длится

вечно, как правило, это длится всего несколько месяцев, бывало даже, что внезапно все кончалось — например, в теплых странах. И потом, это не обязательно происходит беспрерывно, формального запрета на передышку нет, вовсе нет, и некоторые передышки даже приносят вам самую настоящую иллюзию жизни, пока они длятся, иллюзию бегущего, незагубленного дня. И даже если не заходить так далеко, они, эти передышки, приносят вам хоть небольшое облегчение, некоторые, не все, лишь те, которые дозволены, причем именно на то время, пока длятся.

Еще есть очаровательные краски, оттенки зеленого и преходяще-лимонного, не будем уточнять, они еще бледнеют, но это чтобы вернее вас насадить на вертел, угаснут ли они когда-нибудь, да, о да, угаснут.

И что тогда? Тогда всё, спасибо.

Снаружи это был такой же дом, как многие другие. Изнутри тоже. Из него вышел Камье. Он еще прогуливался понемногу в хорошую погоду. Стояло лето. Предпочтительней была бы осень, конец октября, начало ноября, но стояло лето, ничего не поделаешь. Солнце садилось, смычки настраивались (непонятно зачем), прежде

чем разразиться древним плачем. Камье, легко одетый, шел вперед, уронив голову на грудину. Время от времени он выпрямлялся резким и тут же сходившим на нет движением, просто так, чтобы сориентироваться. Он чувствовал себя не слишком плохо, день выдался скорее удачный. Прохожие его толкали, но не нарочно, нет, не нарочно, они бы предпочли до него не дотрагиваться. Он делал круг, только один круг, иначе он скоро уставал, очень уставал. Тогда он останавливался, широко раскрывал свои маленькие сине-красные глазки и обводил ими все вокруг, пока не определял свое местонахождение. Поскольку сил дойти до дому не хватало, ему частенько приходилось заглядывать в первый попавшийся бар, просто чтобы взбодриться, набраться уверенности, уверенности и мужества на то, чтобы пуститься в обратный путь, о котором часто у него бывало довольно смутное представление. Он помогал себе палкой, стуча ею по земле на каждом шагу, не на каждом втором шагу, а просто на каждом. Вдруг на его плечо легла чья-то рука. Камье замер, съежился, но головы не поднял. Ему было все равно, так ему было даже лучше, проще, но это был еще не повод отрывать глаза от земли. Он услыхал: «Мир тесен». Чьи-то

пальцы приподняли ему подбородок. Он увидел человека мощного телосложения, крайне гнусно одетого. Вдаваться в подробности бесполезно. Человек выглядел немолодым. От него воняло старостью, да и немытостью, в общем, сильно воняло. Камье со знанием дела принюхался.

— С моим другом Мерсье ты знаком, — сказал человек.

Камье безуспешно поискал вокруг глазами.

— Позади тебя, — сказал человек.

Камье обернулся. Мерсье, всецело поглощенный витриной шляпного магазина, был виден в профиль.

— Разрешите, — сказал человек. — Мерсье, Камье, Камье, Мерсье.

Ни дать ни взять, два слепца, которым только зрения и не хватает, чтобы составить представление друг о друге, а все прочее в наличии — и желание, и взаиморасположение тел в пространстве.

— Вижу, что вы знакомы, — сказал человек. — Я и не сомневался. Главное, не здоровайтесь.

— Я вас не знаю, месье, — сказал Камье.

— Я Уотт, — сказал Уотт. — В самом деле, я неузнаваем.

— Уотт? — сказал Камье. — Это имя ничего мне

не говорит.

— Я малоизвестен, это правда, — сказал Уотт, — но рано или поздно я добьюсь известности. Не говорю — всемирной, например, немного шансов на то, что слух обо мне достигнет Лондона или Кук-Тулза.

— Откуда мы друг друга знаем? — сказал Камье. — Простите мою забывчивость. Я еще не все успел восстановить в памяти.

— Охотно прощаю, — сказал Уотт. — В колыбели.

— Признайте, что в таком случае мне трудно было бы вас опровергнуть, — сказал Камье.

— Никто тебя не просит меня опровергать, — сказал Уотт. — В самом деле, мне весьма тягостно дважды за столь краткий промежуток времени слышать все те же глупости.

— Я совершенно вас не знаю, — сказал Камье. — В колыбели, говорите?

— В твоей плетеной люльке, — сказал Уотт. — Ты не изменился.

— В таком случае вы знали мою мать, — сказал Камье.

— Святая женщина, — сказал Уотт. — До пяти лет каждые два часа меняла на тебе одежки. — Он повернулся к Мерсье. — А твою, — ска-

зал он, — я узнал только бездыханной.

— Я был знаком с неким Мерфи, — сказал Мерсье, — который немного напоминал вас, только он был гораздо моложе. Но он умер тому десять лет при весьма загадочных обстоятельствах. Представьте себе, его тело так никогда и не было найдено.

— Значит, вы с ним тоже не знакомы? — сказал Камье.

— Полноте, полное, — сказал Уотт, — перейдите опять на «ты», дети мои. Не стесняйтесь меня. Я сама скромность. Могила.

— Господа, — сказал Камье, — с вашего разрешения я вас покину.

— Если бы у меня оставались еще хоть какие-нибудь желания, — сказал Мерсье, — я купил бы одну из этих шляп и надел ее себе на голову.

— Ставлю вам по стаканчику, — сказал Уотт. И добавил: — Парни, — с беззлобной, почти нежной улыбкой.

— В самом деле… — сказал Камье.

— Ту, коричневую, на болванке, — сказал Мерсье.

Уотт схватил Мерсье за правую руку, Камье, после короткой борьбы, за левую и потащил их за собой.

— Куда еще мы идем? — сказал Камье.

Мерсье завидел вдали цепи своего детства, те, что служили ему забавой. Уотт ему сказал:

— Если бы ты поднимал ноги, ты бы шел вперед быстрее. Сегодня я не поведу тебя к зубному врачу.

Они шли прямо на закат (нельзя же во всем себе отказывать), чьи огненные языки вздымались выше высоких домов.

— Жаль, что нас не увидит Дюма-отец, — сказал Уотт.

— Или один из евангелистов, — сказал Камье.

Что ни говори, Мерсье и Камье — это был другой уровень.

Мерсье сказал блеющим фальцетом: «Я бы снимал ее при встрече с катафалками».

— Если у вас силы не ограничены, — сказал Камье, — то у меня ограничены.

— Мы уже пришли, — сказал Уотт.

Дорогу им преградил полицейский.

— Здесь тротуар, — сказал он, — а не цирковая арена.

Полицейскому на роду было написано быстрое повышение, это было видно.

— Какое ваше дело? — сказал Камье.

— Оставьте нас в покое, — сказал Мерсье.

— Полегче, полегче, — сказал Уотт. Он наклонился к полицейскому. — Инспектор, — сказал он, — не сердитесь. Они немного того, — он похлопал себя по лбу, — но они и мухи не обидят. Длинный считает себя Иоанном Крестителем, о котором вы наверняка слышали, а коротышка колеблется между Юлием Цезарем и Туссеном Лувертюром. Я сам смирился с ролью, выпавшей мне от рождения, она обширна и повелевает мне, помимо прочего, водить на прогулки этих господ, когда время позволяет. Полегче, полегче. При таких условиях вы согласитесь, что нам трудно было бы построиться гуськом, как велят приличия.

— Гуляйте за городом, — сказал полицейский.

— Мы пробовали, — сказал Уотт, — несколько раз пробовали. Но они впадают в дикую ярость при первом же взгляде на поля. Любопытно, не правда ли? А витрины, бетон, цемент, асфальт, толпа, неоновые огни, карманные воришки, полицейские, бордели, все оживление столичного Бонди — все это их успокаивает и сулит целительный ночной отдых.

— Тротуар — не ваша собственность, — сказал полицейский.

— Осторожно, — сказал Уотт. — Видите, они на-

чинают беспокоиться. Я не уверен, что сумею их сдержать.

— Вы мешаете добрым людям идти своей дорогой, — сказал полицейский. — Это пора прекратить.

— Конечно, — сказал Уотт. — Сейчас все устроим. Вот увидите. — Он отпустил их руки и обхватил их за талии, прижимая к себе. — Вперед, красавчики, — сказал он. — Они пошли дальше, спотыкаясь, на заплетающихся ногах. Полицейский смотрел им вслед. — Дерьмо, — сказал он.

— Вам на нас наплевать, — сказал Камье. — Пустите меня.

— Ну-ну, и так хорошо, — сказал Уотт. — Мы все трое припахиваем тлением, так и шибаем в нос. Видали, какую он рожу скорчил? Еле удержался, чтобы нос не заткнуть. Поэтому он нас и отпустил.

Они ввалились в какой-то бар, ввалились как попало, Камье и Мерсье тянули к стойке, но Уотт усадил их за столик и зычным голосом заказал три двойных.

— Вы мне, наверно, скажете, что никогда ни ногой сюда не ступали, — сказал он. — Не стесняйтесь. Не смею заказать пиво, нас за дверь вышибут.

Принесли виски.

— Я тоже искал, — сказал Уотт. — Совсем один, только я думал, что знаю, чего ищу. Нет, вы только подумайте! — Он воздел ладони и провел ими по лицу, они медленно скользнули по плечам, по груди и вновь встретились на коленях. — Невероятно, но факт, — сказал он.

Исчезающие руки-ноги болтались в сером воздухе. Шум и гам были размечены крошечными паузами мертвого молчания.

— Он родится, он рожден от нас, — сказал Уотт, — тот, кто, ничего не имея, ничего не будет хотеть, кроме того ничто, что имеет.

Мерсье и Камье внимали этим речам с рассеянным вниманием. Они начинали поглядывать друг на друга взглядом, в котором мелькало нечто от прежних времен.

— Я чуть было не сдался, — сказал Камье.

— Ты возвращался на то место? — сказал Мерсье.

Уотт потирал руки.

— Вы меня радуете, — сказал он, — в самом деле радуете. Даже утешаете.

— А потом я подумал… — сказал Камье.

— Если бы вы когда-нибудь могли почувствовать, — сказал Уотт, — то, что я сейчас чувствую.

Это не избавит вас от ощущения напрасно прожитой жизни, но вы поймете — как бы вам объяснить?..

— Потом я подумал, — сказал Камье, — что тебе, наверное, придет в голову то же, что и мне. Ну в общем, сам понимаешь. Эта причина была не единственной, а просто первой пришедшей мне в голову.

— Ты не возвращался на то место? — сказал Мерсье.

— Капля тепла, согревшего старое сердце, — сказал Уотт, — да, самая капелька тепла, согревшего бедное старое сердце.

— Я бы, конечно, вернулся посмотреть, — сказал Камье, — но боялся наткнуться на тебя. Недурной виски.

Уотт с силой стукнул по столу, и в зале тут же установилась внушительная тишина. По-видимому, он того и хотел, ибо голосом, рокочущим от страсти, воскликнул:

— Жизнь — к расстрелу!

Поднялся негодующий ропот. Подошел управляющий, а может, даже хозяин. Он был одет со всем тщанием. Кому-то, вероятно, учитывая, что на нем были жемчужно-серые брюки, пришлись бы больше по вкусу черные ботинки,

а не желтые, в которые он был обут. Но в конце концов он был у себя дома. В качестве бутоньерки он выбрал тюльпан. — Выйдите, — сказал он.

— Откуда? — сказал Камье. — Отсюда?

— Убирайтесь, — сказал управляющий. Наверно, это был управляющий. Но до чего не похож на господина Гэста!

— Он только что потерял единственного ребенка, — сказал Камье, — единственное свое дитя.

— Двойняшневого, — сказал Мерсье.

— Он вне себя от горя, — сказал Камье, — это так понятно.

— Его жена в агонии, — сказал Мерсье.

— Мы от него ни на шаг, — сказал Камье.

— Еще одну двойную, — сказал Мерсье, — если нам удастся заставить его проглотить, он спасен.

— Он как никто, — сказал Камье, — любит жизнь, скромную повседневность, невинные радости и даже сами горести, помогающие нам разобраться с искуплением грехов. Растолкуйте этим господам. У него вырвался вопль протеста. Его утрата так свежа! Завтра, над своей овсянкой, он устыдится этого.

— Он утрет губы, — сказал Мерсье, — сунет салфетку в кольцо, возденет руки к небесам и возопит: «Блаженны мертвые, коих уж нет!»

— Если бы он разбил рюмку, — сказал Камье, — мы бы первые его осудили. Но ничего подобного не было.

— Забудьте об этом инциденте, — сказал Мерсье. — Он не повторится. Правда, Тото?

— Подайте губку, — сказал Камье, — как у святого Матфея.

— И принесите нам то же самое, — сказал Мерсье. — Вкусный у вас виски.

— Давненько я не пробовал такого хорошего виски, — сказал Камье.

— Черешневую? — сказал управляющий.

— Двойняшневую, — сказал Камье.

— Да, — сказал Мерсье, — всего по два, только задница одна. Похороны послезавтра. Правда, Тото?

— Это все из-за организатора, ему же наплевать, — сказал Камье.

— Из-за организатора? — сказал управляющий.

— Каждому олуху свое бремя, — сказал Мерсье. — А вы не знали? Иногда он сбивается с курса. Вас это удивляет?

— Уймите его, — сказал управляющий. — Не толкайте меня на крайние меры. — Он удалился. Он был тверд без жесткости, человечен без заискивания, у него было чем оправдаться

перед своими завсегдатаями, по большей части мясниками, которых смерть агнца сделала несколько нетерпимыми.

Принесли по второй порции выпивки. Сдача с первой осталась лежать на столе. — Это вам, друг мой, — сказал Камье.

Управляющий переходил от группы к группе. Мало-помалу в зале опять воцарилось оживление.

— Как можно говорить подобное? — сказал Камье.

— Думать такое — и то оскорбительно, — сказал Мерсье.

— По отношению к человечеству, — сказал Камье.

— И к животным, — сказал Мерсье.

— Бог ему судья, — сказал Камье.

— Вот именно, — сказал Мерсье.

Уотт, казалось, уснул. Ко второму стаканчику он не притронулся.

— Немного воды? — сказал Камье.

— Оставь его в покое, — сказал Мерсье.

Мерсье встал и подошел к окну. Он просунул голову между шторой и стеклом, что, как он и предвидел, позволило ему увидеть небо. Оно еще не потускнело. Одновременно он заме-

тил — о чем и не подозревал — что с неба падал тонкий и, наверно, ласковый дождик. Стекло не намокло. Мерсье вернулся к столику и снова сел.

— Знаешь, о чем я часто думаю? — сказал Камье.

— Дождь идет, — сказал Мерсье.

— О козе, — сказал Камье.

Мерсье смущенно смотрел на Уотта.

— Ты не помнишь? — сказал Камье. День хватал за душу скверной погодой.

— Где я видел этого типа? — сказал Мерсье. Он отодвинул назад стул, пригнулся и снизу стал всматриваться в лицо, сплющенное под шляпой.

— И старый Мэдден тоже… — начал Камье.

Внезапно Уотт выхватил у Камье трость, размахнулся и в ярости грохнул ею по соседнему столику, за которым перед растянувшейся надолго кружкой пива человек с бакенбардами читал газету и курил трубку. Случилось то, что должно было случиться, стеклянный столик разлетелся вдребезги, трость переломилась пополам, кружка опрокинулась, а человек с бакенбардами полетел навзничь, по-прежнему сидя на стуле, с трубкой в зубах и газетой в руке. Уотт швырнул остававшийся у него в руках конец трости в сторону

стойки, свалив оттуда несколько бутылок и уйму стаканов. Уотт дождался, пока затих разнообразный стук и звон, а потом взвыл:

— К чертям собачьим такую жизнь!

Мерсье и Камье, словно их дернули за одну и ту же веревочку, стремительно допили свои стаканы и побежали к выходу. Там они обернулись. Какофонию на мгновение перекрыл полузадушенный рев:

— Да здравствует Квин!

— Дождь идет, — сказал Камье.

— Я тебе говорил, — сказал Мерсье.

— Ну, пока, — сказал Камье.

— Не проводишь меня немного? — сказал Мерсье.

— Тебе куда? — сказал Камье.

— Я теперь живу на другом берегу канала, — сказал Мерсье.

— Мне не по дороге, — сказал Камье.

— Оттуда такой вид открывается, не пожалеешь, — сказал Мерсье.

— Не думаю, — сказал Камье.

— Ну как хочешь, — сказал Мерсье.

— Нет, серьезно, — сказал Камье.

— Пропустим по последней, — сказал Мерсье.

— У меня ни гроша, — сказал Камье.

Мерсье сунул руку в карман.

— Нет, — сказал Камье.

— У меня есть, — сказал Мерсье.

— Нет, я сказал, — сказал Камье.

— Это похоже на полярные цветы, — сказал Мерсье. — За полчаса управимся.

— Каналы меня больше не волнуют, — сказал Камье.

В молчании дошли до конца улицы.

— Теперь направо, — сказал Мерсье. Он остановился.

— Что с тобой? — сказал Камье.

— Я останавливаюсь, — сказал Мерсье.

— Так ведешь ты меня, — сказал Камье, — смотреть на твои чертовы прыщики или не ведешь?

Свернули направо, Камье по тротуару, Мерсье по ручью.

— Да здравствует кто? — сказал Камье.

— Мне послышалось «Квин», — сказал Мерсье.

— Это, по-моему, кто-то несуществующий, — сказал Мерсье.

Виски все-таки пошел им на пользу. Для стариков они шагали довольно споро. Камье жалел о своей трости.

— Жаль мне трости, — сказал Камье, — еще отцовская.

— Ты мне никогда не говорил, — сказал Мерсье.

— Знал бы ты, — сказал Камье.

— Знал бы я что? — сказал Мерсье.

— В сущности, — сказал Камье, — мы говорили о чем угодно, кроме нас самих.

— Плохо работали, — сказал Мерсье, — я и не спорю. — Он подумал. И произнес обрывок фразы: — Может, мы бы…

— Какой глухой закоулок, — сказал Камье, — не здесь ли мы потеряли рюкзак?

— Недалеко отсюда, — сказал Мерсье.

Между высокими старыми домами полоска бледного неба казалась еще уже, чем улица. А должна бы, наоборот, казаться шире. Ночь шутит иногда такие шутки.

— Теперь все в порядке? — сказал Мерсье.

— Как? — сказал Камье.

— Я спрашиваю, как ты сейчас, в порядке, более-менее? — сказал Мерсье.

— Нет, — сказал Камье.

Спустя несколько минут на глаза ему навернулись слезы. Старики, вопреки тому, что можно подумать, довольно легко пускают слезу.

— А ты? — сказал Камье.

— Тоже нет, — сказал Мерсье.

Дома становились все реже, расстояние между ними — все больше, небо делалось просторнее, им вновь было видно друг друга, достаточно было только голову повернуть, одному вправо, другому влево, поднять голову и повернуть. Потом вдруг все перед ними расступилось, пространство словно распустилось подобно бутону, земля исчезла в тени, которую она отбрасывает в небеса. Но подобные развлечения всегда недолги, и им тут же нанесло удар их собственное положение, а именно — положение двух людей, высокого и низенького, на мосту. Мост сам по себе был очарователен, если верить знатокам. Почему бы и нет? Как бы то ни было, он назывался Шлюзовым, причем с полным правом: чтобы в этом убедиться, достаточно было опустить голову.

— Вот мы и на месте, — сказал Мерсье.

— Здесь? — сказал Камье.

— К концу все пошло быстро, — сказал Мерсье.

— А твой хваленый вид? — сказал Камье.

— Да посмотри, — сказал Мерсье.

Камье поискал ответа со всех сторон.

— Не подгоняй меня, — сказал он, — я сейчас.

— С берега видно лучше, — сказал Мерсье.

— Тогда с чего мы тут торчим? — сказал Камье. — Ты хотел повздыхать?

Спустились на берег. Там была скамья, со спинкой. Сели.

— Значит, это здесь, — сказал Камье.

Над каналом бесшумно падал дождь. Мерсье стало грустно. Но прямо над горизонтом тучи разлохматились длинной редкой и черной бахромой, волосами плакальщицы. Природа бывает подчас очень чуткой.

— Я вижу нашу товарку по заключению, Венеру, — сказал Камье, — похоже, что ей грозит страшная опасность со стороны Саргассова моря. Надеюсь, не ради этого ты меня сюда затащил.

— Дальше, дальше, — сказал Мерсье.

Камье свернул руку подзорной трубкой.

— Но ведь я не слепой, — сказал он.

— Севернее, — сказал Мерсье. — К северу, говорю тебе, не к югу.

— Погоди, — сказал Камье.

Чуть дальше, чуть ближе.

— Цветы, да? — сказал Камье.

— Видел? — сказал Мерсье.

— Я видел два-три зыбких огонька, — сказал Камье.

— Просто надо привыкнуть, — сказал Мерсье.

— С тем же успехом я могу ткнуть себя пальцем в глаз, — сказал Камье.

— Это Остров блаженных, в который верили древние, — сказал Мерсье.

— Они были нетребовательны, — сказал Камье.

— Вот увидишь, — сказал Мерсье, — ты плохо смотрел, но теперь ты уже не забудешь, ты вернешься.

— Что это за мрачный барак? — сказал Камье. — Хлебопекарня?

— Здесь я его встретил, — сказал Мерсье.

— Кого? — сказал Камье.

— Уотта, — сказал Мерсье. — Он сказал, что часто сюда приходит.

— Что это за здание? — сказал Камье.

— Больница, — сказал Мерсье. — Для кожных болезней.

— Это для меня, — сказал Камье.

— И слизистой оболочки, — сказал Мерсье. Он прислушался. — Сегодня не слишком воют, — сказал он.

— Может быть, еще рано, — сказал Камье.

Камье встал и подошел к воде.

— Осторожно, — сказал Мерсье.

Камье вернулся на скамейку.

— Помнишь попугая? — сказал Мерсье.

— Я помню козу, — сказал Камье.

— Я думаю, он умер, — сказал Мерсье.

— Мы встречали не так уж много животных, — сказал Камье.

— Я думаю, в тот день, когда она сказала нам, что отдала его в деревню, он был уже мертвый, — сказал Мерсье.

— Не беспокойся о нем, — сказал Камье.

Он во второй раз подошел к воде. Некоторое время смотрел на воду, потом вернулся на скамейку.

— Ладно, я пошел, — сказал он. — Прощай, Мерсье.

— Спокойной ночи, — сказал Мерсье.

Он смотрел в одиночестве, как гаснет небо, как сгущается тьма. Когда горизонт канул, он по-прежнему не отрывал от него взгляда, потому что по опыту знал, что возможны проблески. В темноте он и слышал лучше, он слышал звуки, которые скрывал от него долгий день, человеческий шепот, например, и шорох дождя по воде.

XII

Краткое изложение двух предыдущих глав

X

Песчаная равнина.
Крест.
Развалины.
Мерсье и Камье расстаются.
Возвращение.

XI

Жизнь как выживание.
Камье один.
Мерсье и Уотт.
Мерсье, Камье и Уотт.
Последний полицейский.
Последний бар.
Мерсье и Камье.
Шлюзовый мост.
Мерсье один.
Сгущается тьма.

1946